

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

ПИРУМШОЕВ МУНИР ХАЙДАРШОЕВИЧ

**ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ, СРЕДНЕВЕКОВОЙ И
НОВОЙ ИСТОРИИ ПАМИРА И БАДАХШАНА**

Специальность:

**5.6.5 - Историография, источниковедение и методы
исторического исследования**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук**

ДУШАНБЕ - 2025

Работа выполнена на кафедре всеобщей и отечественной истории Российско-Таджикского (Славянского) университета

Научный консультант: **Убайдуллоев Насрулло Каримович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана,

Официальные оппоненты: **Зикриёева Малика Файзиевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории таджикского народа Таджикского национального университета;

Гаффори Нуъмонджон Усмонзода – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики;

Турсунов Бустон Рахмонович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории таджикского народа Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова

Ведущая организация: Бохтарский государственный университет им. Носира Хусрава

Защита состоится «18» сентября 2025 г. в 13:00 часов на заседании диссертационного совета 73.1.017.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Индиры Ганды Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на официальном сайте Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (www.institute-history.tj)

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук**

Кабилова Б.Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Загадочное высокогорное пространство Памира, получившее известность в историко-географических сочинениях древности и средневековья как «Крыша мира», несмотря на суровые климатические условия, бездорожье и труднодоступность всегда привлекало внимание любознательных путешественников и историков. Свидетельством тому является изобилие оставленных в наследство сведений, имеющиеся в сочинениях античных географов, раннесредневековых китайских путешественников, средневековых персидско-арабских авторов и российско-западноевропейских исследователей XIX – начала XX вв., причастных к изучению истории центрально азиатского региона в целом и таджикского народа в особенности.

Арабские завоевания и их усилия в распространении ислама, независимо от желания религиозных миссионеров, в известной мере открыли соответствующий простор для развития торговых сношений. В этом плане особая роль принадлежала издавна существующему Великому шёлковому пути, связующему Восток и Запад, одна из ветвей которого проходила через владения Памира, что способствовало накоплению сведений о древности и раннесредневековой истории этого высокогорного края.

В дальнейшем, несмотря на трагические периоды, связанные с татаро-монгольскими завоевательными походами, а затем и династическими владычествами Чингизидов, Тимуридов, Аштарханидов, Шейбанидов в Средней Азии, накопился большой пласт сведений о политической, социально-экономической и культурной жизни самостоятельных владений (шахства) Памира и Бадахшана, порою находившихся в положении номинальной зависимости от них.

Поток информации увеличивался в ходе географических открытий и стремлений западных стран, приведших к утверждению английского колониального режима в Индии. В процессе обострения англо-русского соперничества в Средней Азии, которое к середине XIX века переросло в военное противостояние, объём сведений о Памире и Бадахшане значительно возрос. Этот горный регион, стратегически важный для обеих империй, стал объектом многочисленных историко-географических исследований, внёсших существенный вклад в научное познание этой территории. Исходя из геополитических интересов Англии и России, изучение Памира и Бадахшана занимало заметное место в ходе завоевания и присоединения Средней Азии к России. Огромный объём материалов о Памире и Бадахшане, содержащийся в многочисленных книгах и статьях, написанных русскими и западноевропейскими учёными, путешественниками, представителями военных и дипломатических кругов, продолжает служить важным источником для исследователей истории Центрально азиатского региона, особенно в контексте изучения истории таджикского народа.

В конце XIX века на фоне обострения военно-политической обстановки в регионе интерес к изучению Памира и Бадахшана значительно возрос, особенно в 80-е и 90-е годы. Многочисленные исследования, опубликованные в этот период, написанные учёными, путешественниками и военно-дипломатическими авторами, существенно прояснили средневековую и новую историю этого высокогорного края.

Начало поистине научного изучения истории Памира было положено русскими исследователями накануне и в ходе его добровольного присоединения к России, завершением которого считается заключение англо-русского договора о Памирском разграничении 1895 г. Официальное утверждение русской военно-гражданской административной власти на Памире (в начале XX в.), открыло более широкие просторы для всестороннего его исследования.

Но, несмотря на сохранившиеся местные, региональные источники, а также обилие работ западноевропейских, русских, советских и современных исследователей, за исключением несколько обобщающей работы автора данной диссертации «Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв.», проблемы, связанные с историографией истории Памира и Бадахшана с древнейших времён до начала XX в. не стали объектом обстоятельного историографического анализа. Это послужило стимулом к рассмотрению данной многоаспектной и сложной проблемы, которая до сих пор оставалась недостаточно изученной в отечественной историографии.

Эта проблема стала особенно актуальной в наши дни, когда вопросы глобализации всё больше занимают внимание мирового сообщества. Наряду с этим, некоторые историки из соседних республик проявляют всё большее стремление к углублению своих этно-исторических корней с целью присвоения исторических ценностей, которые им явно не принадлежат. В этом контексте всё более актуальной становится необходимость историографического анализа источников и исследований, связанных с историей таджикского народа, стоявшего у истоков региональной цивилизации. Исходя из этого, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон неустанно призывает к детальному исследованию национальных исторических ценностей, неотъемлемой частью которых является история таджиков Памира и Бадахшана.

Подробное историографическое исследование обширного корпуса научных трудов, посвящённых многовековой истории таджикского народа, начиная с досаманидского периода и охватывая затяжные и зачастую трагические эпохи иноземного господства, последовавшие за распадом государства Саманидов, является весьма актуальным и своевременным в рамках современной отечественной историографии. Памирский и Бадахшанский регионы, сыгравшие непосредственную роль в этих исторических событиях, заслуживают особого внимания исследователей.

Такой анализ позволит выявить основные исследовательские траектории, относящиеся к древнему, средневековому и современному периодам истории Таджикистана в целом и к историческому опыту Памира и Бадахшана, в частности.

Особое внимание следует уделить анализу источников и литературы, посвящённых геополитической борьбе колониальных держав за контроль над «Крышей мира» в конце XIX в. В результате этой «схватки» левобережная часть Западного Памира и весь Бадахшан оказались под властью Афганистана.

Исходя из этого, основные показатели актуальности данной проблемы прослеживаются:

1) в назревшей необходимости изучения источников и степени их введения в научный оборот в исследованиях учёных, изучавших древнюю и раннесредневековую историю Памира и Бадахшана;

2) в более обстоятельном историографическом анализе географических сведений, содержащихся в исследованиях, посвящённых истории средневекового Памира и Бадахшана;

3) в выявление степени разработанности вопросов, связанных с прямой причастностью Памира и Бадахшана к средневековой истории таджикского народа;

4) в определение изученности проблем, относящихся к социально-экономической и культурной жизни населения владения Памира и Бадахшана в период присоединения Средней Азии к России.

5) в объективном анализе имеющейся литературы, освещающей трагический период афганской оккупации Западного Памира, накануне его присоединения Памира к России.

6) в обстоятельном историографическом исследовании имеющихся источников и литературы, освещающие историю присоединения Памира к России и преобразовательного процесса в политико-административной, социально-экономической и культурной жизни местного населения.

Перечисленные выше проблемы, требующие детального анализа, ясно указывают на их значимость и необходимость решения, что подтверждает актуальность тех вопросов, которые лежат в основе диссертационной работы.

Исходя из особенности данного исследования, во главу угла ставится определение степени изученности тех или иных проблем древней, средневековой и новой истории Памира и Бадахшана в соответствии с принятой в республике Концепцией исследования истории таджикского народа¹.

Степень изученности проблемы. Специалистам и широкому кругу сведущих читателей, интересующихся историей Памира и Бадахшана, известно о наличии многочисленных исследований, посвящённых тем или

---

¹Концепсия таҳқиқи таърихи халқи тоҷик. – Душанбе: Ганҷи хирад, 2023. – 36 с.

иным периодам их истории. В ряде из них, в особенности в их вводных разделах в той или иной степени прослеживается историографический обзор исследуемых проблем. Однако эти разрозненные и поверхностные упоминания о существовании отдельных исследований по различным проблемам истории Памира и Бадахшана не представляют собой целостного историографического анализа, необходимого для определения ценности источников и научной значимости существующих исследований в этой области.

В диссертационной работе основное внимание уделяется анализу следующих категорий или групп исторической литературы, во введениях которых прослеживается историографический анализ процесса исследования проблем, в той или иной степени связанных с историей Памира и Бадахшана с древности до начала новейшего периода:

К первой группе относятся источники и исследования, посвящённые историко-этимологическому анализу и определению географического положения Памира и Бадахшана.

Изучение древних и раннесредневековых источников касательно географического определения Памира, если не считать сведения венецианского купца и путешественника Марко Поло (1254-1324) о Бадахшане, фактически берёт начало с 30 – 40-х годов XIX в. Первым европейцем, который на основе сведений из китайских источников о Памире как ключевой горной системе Азии попытался описать этот регион, был немецкий географ, натуралист и путешественник Александр Гумбольдт (1769-1859). Он первым пытался охарактеризовать Памирское нагорье¹.

Начало научному географическому изучению Памира и Бадахшана положил английский исследователь Джон Вуд, который в 1838 году проехал из Кабула через Кундуз и Бадахшан на Памир. В этом плане следует отметить вклад ряда путешественников и представителей европейских военных и дипломатических кругов, посетивших Среднюю Азию до её присоединения к России. Среди них особо выделялись Муркрофт, Коннолли, Вольф, Бёрнс и Странж, Стоддарт, Аббат, Шекспир, Генри Юль и другие. Их публикации значительно расширили географические представления о Памире².

В последующие годы исследования Памира стали опираться на более прочную научную базу. Обострение соперничества Великобритании и России

---

¹Humboldt A. *Über die Bergketten und Vulkane von Innerasien und über einen vulkanischen Ausbruch in der Andes-Kette*, *Annalen der Physik und Chemie*. – Bd. 18. – 1830. – С. 5 исл.; Он же. *Fragments de géologie et de climatologie asiatique*. – T. I. – Paris, 1831. – С. 55 исл.; Он же: *Asie Centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée*. – Paris, 1944 идр.

²См: Wood, John. *A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan*. London, 1841; Edwards H.S. *Russian Projects Against India: From Czar Peter to General Skjbeleff*. – London: Remington, 1885. – P.90-91; Юль Г. *Очерки географии и истории верховьев Аму-Дарьи* /пер.сангл. О.Д.Федченко. Сдоп. ипримеч. А.П. Федченко, Н.В.Ханыкова и Г.Юля // *Известия Русского Географического общества*. – 1873. – № 6 (Приложение).

в Средней Азии вызвало повышенный интерес к географическим исследованиям региона. Русские учёные, такие как И. П. Минаев¹, Д. Л. Иванов², В. В. Григорьев³, В. В. Бартольд⁴, А. А. Бобринской⁵ и другие, провели историографическое исследование географических и этимологических описаний Памира и Бадахшана.

К данной группе следует отнести работы советских и современных исследователей А.М. Мандельштама⁶, О.А. Агаханянца⁷, А.О. Постникова⁸, А.Шохуморова⁹ и др., проявивших особый интерес к географическому и историко-этимологическому изучению Памира и Бадахшана.

Несмотря на отсутствие специального географического исследования, в работах перечисленных авторов в известной степени прослеживается историография географического изучения и этимологического определения Памира и Бадахшана.

Вторую группу представляют исследования, содержащие историографический обзор литературы касательно древней истории Памира и Бадахшана. К ним следует относить работы А.М. Мандельштама¹⁰, А.Н. Бернштама¹¹, Б.А. Литвинского¹², В.А. Ранова¹³, А.Д. Бабаева¹⁴ и др., в которых даются историографические сведения по тем или иным проблемам древней истории Памира и Бадахшана.

В этом контексте особенно заметны взгляды, связанные с арийским происхождением основного населения Памира и Бадахшана. Значительный

---

¹Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879.-242 с.+VIII стр. предисл.

²Иванов Д.Л. Что называть Памиром? // Известия Императорского географического общества. – 1889. – Т.21, вып.2. – С.131-145.

³Григорьев В.В. Примечания и дополнения // Риттер К. Землеведение География стран Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Выпуск первый – перевод и примечания. – СПб., 1869. С. 483-507

⁴Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из цикла «Энциклопедии ислама» // Сочинения т. III. Работы по исторической географии. – М.: Наука, 1965. – С. 343-347.

⁵Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа.(Ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. По питьевым заметкам. – М., 1908.-152с.

⁶Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1957. – 182 с.

⁷Агаханянец О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем; Агаханянец О.Е. Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. – М.: Наука, 1975.

⁸Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005.

⁹Шохуморов А. Памир – страна Ариев. – Душанбе: Дониш, 1997. – 195 с

¹⁰Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1957. – 182 с.

¹¹Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С.263-304; он же. Саки Памира // ВДИ 1956. - № 1. – С.121-134

¹²Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: «Наука», 1972.

¹³Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир.- М.: Наука, 1975. – С.136-157; Он же. Памир и проблемы заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир.- М.: Наука, 1975. – С.136- 157.

¹⁴Бабаев А. Д. древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: Нури маърифат, 2006.-399 с.

вклад в историографию этого вопроса внёс советский исследователь А.М. Мандельштам. В своей работе «К истории географического обзора Памира и припамирских областей» он внимательно изучил противоречивые точки зрения западных исследователей и поддержал тех, кто считал Памир одним из очагов древних арийцев¹.

Мнения исследователей, причастных к определению принадлежности таджиков Памира к индоевропейской расе на основе материалов, добытых в ходе своих археологических раскопок, подтвердили А.Н. Бернштам, Б.А. Литвинский, В.А. Ранов, А.Н. Зеленский, А.Д. Бабаев, М.А. Бубнова, В.А. Жуков и др.²

В качестве отдельного (третьего) показателя, в котором в той или иной степени прослеживается историографический обзор раннесредневековой истории Памира и Бадахшана, следует выделить вышеупомянутый труд А.М. Мандельштама «К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей». В нём представлен подробный историографический обзор источников, в основном китайских, и исследований, связанных с изучением истории Памира IV–VIII вв. В сравнении с общими работами, представляющими политическую и социально-экономическую характеристику Памира и Бадахшана раннего средневековья, эта книга до сих пор считается наиболее заметной в историографическом отношении. Аналогично оценивается анализ историко-географических трудов арабских и персидских (таджикских) авторов, связанных с Памиром и Бадахшаном эпохи Саманидов.

Четвёртую группу составляют работы, освещающие историю таджикского народа IX–XV вв. в целом и Памира и Бадахшана, в частности. События, связанные с образованием государства Саманидов в известной мере освещены в сочинениях той эпохи и в последующие периоды после его распада. К ним следует отнести соответствующие тексты, приведённые в двухтомном сборнике «Саманиды в зеркале истории»³. В несколько эпизодической форме историография Памира и Бадахшана IX–XIV вв. приводится в сборнике извлечённых текстов историко-географических сочинений авторов указанного периода «Таджикские государственности в IX–XIV вв.»⁴.

---

¹См.: Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1957. – С. 7-11, 68-72.

²См.: История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т.1. (С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С.27-37.

³Сомониён дар оинаи таърих. – Чилди якум (мутуни форсии тоҷики).-Худжанд: Нашр. давлатии ба номи Раъҳим Чалил,1998.-552с.;Чилди дувум (мутуни арабиасли). – 672 с.

⁴Давлатдории Тоҷикон дар асрҳои IX-XIV. Поруҳо аз «Равзату-с-сафо ва дигар кутуб. Мураттиб ва муҳаққик Н. Амиршохи. – Душанбе: Амри илм, 1999. – 1003 с.

Этот период занимает особое место в фундаментальных обобщающих исследованиях Б. Гафурова «Таджики»¹, «История таджикского народа» в трёх томах², «История Таджикского народа» в шести томах³, «История Узбекской ССР»⁴, в исследованиях Н.Н. Негматова⁵, С. Абдуллоева⁶ и др. В них даётся краткий историографический экскурс касательно процесса изучения вопросов, связанных с историей Памира и Бадахшана IX-XV вв.

Уместно также отметить научную ценность трудов советских и современных исследователей, изучавших историю Мавераннахра и Хорасана при династических правлениях монголов и Тимуридов. К ним относятся исследования А.Ю. Якубовского⁷, Б.Г. Гафурова⁸, А.М. Беленицкого⁹, В.М.Массона, В.А. Ромодина¹⁰, Н.Махмудова¹¹ и др. В их работах отчётливо прослеживается историографический анализ исследований, так или иначе связанных с рассматриваемым периодом.

К пятой группе исследований, в которых прослеживается отдельные историографические сведения о литературе позднесредневековой истории Памира и Бадахшана (XVI-середины XIX вв.), относятся работы Т.Г. Абаевой¹², Б.И. Искандарова¹³ и сводные исследования «История Горно-Бадахшанской автономной области»¹⁴, «История таджикского народа»¹⁵.

---

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 332-386.

² История таджикского народа. – Т. 2. – Кн. 1. Возникновение и развитие феодального строя (VI-XVI вв.). – М.: «Наука, 1964. - С.129-178, 188-196, 207-225.

³ История Таджикского народа. – Т. II. Эпоха, формирования таджикского народа. – Душанбе, 1999. – С. 319-637; Там же. Т. III. – Душанбе: Дониш, 2013. – 580 с.

⁴ История Узбекской ССР. – Т. I. – Книга первая. – Ташкент: Изд. АН УзССР, 1956. – С. 313-379.

⁵ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). – Душанбе: Дониш, 1977. – 279 с.; Он же. Таджикский феномен: история и теория. – Душанбе: Оли Сомон, 1997. – 448 с.

⁶ Абдуллоев С. Чугрофиёи таърихии давлати Сомониён. Ф Хучанд: ДДХ ба номи академик Б. Гафуров, 2001. – 374 с.

⁷ Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. – Л., 1933; его же Государство Тимура // История Узбекской ССР. – Т. I. – Ташкент, 1967. – С. 435-508.

⁸ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – С. 476-517.

⁹ Беленицкий А.М. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV-XV) // Историк-марксист. - 1941. № 4. - С.43-58

¹⁰ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. – Т. I. С древнейших времен до начала XVI в. – М.: Наука, 1964. - 464с.

¹¹ Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV-XV вв. – Душанбе: Дониш, 1966. - 128 с.

¹² Абаева Т.Г. Очерки истории Бадахшана. – Ташкент: Наука, 1964. – С. 95-140.

¹³ Искандаров Б.И. Социально-экономические аспекты истории Памирских княжеств (X в. –XIX в.). – Душанбе: Дониш, 1983. - 160с.; Он же: История Памира. – Хорог: Мерос, 1995. - 185с.

¹⁴ История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – 494с.

¹⁵ История таджикского народа. – Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в – 1917 г.). – Душанбе: Дониш, 2010. - 1124с.

Последняя (шестая) группа в этом хронологическом перечне трудов, включает исследования, посвящённые новой истории Памира и Бадахшана, охватывающей вторую половину XIX–начале XX вв. К ним относятся работы русских дореволюционных авторов М. Венокова¹, М.А.Терентьева², И.Минаева³, Баторского⁴, Б.Л. Громбчевского⁵, Серебренникова⁶, Ф.И. Лобысевича⁷, В.Н.Зайцева⁸, П.А.Риттиха⁹, А.Е.Снесарева¹⁰, М.Грулева¹¹, А.К. Разгонова¹², Б.Л.Тагеева (Рустам-бек)¹³, Муханова¹⁴, В.В. Бартольда¹⁵ и др., а также советских и современных исследователей Б.И. Искандарова¹⁶, Н.А. Халфина¹⁷, Н.М. Акрамова¹⁸, Н. Назаршоева¹, О.Б. Бокиева², А.В.

¹Веноков Очерк международных вопросов в Азии // Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб, 1877. – 297 с.; его же: Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. – 1875. – № 51.

²Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875. – 361 с.; он же. История завоевания Средней Азии. – Т. I-III. – СПб., 1906. – соответственно: 510, 547, 496 сс.

³Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 242 с. + VIII стр. предисл.

⁴Баторский. Проект экспедиции в Индию, предложенных Наполеоном Бонапарте императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807-1808 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XIII. – СПб., 1886. – С. 1-104.

⁵Громбчевский Б.Л. О путешествии 1889-1890 гг. (Доклад капитана Б.Л. Громбчевского, читано в экстренном собрании РГО, 10 января 1891 г.) // Изв.РГО. – Вып. 1891. – С. 97-118; Он же. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. – Новый Маргелан, 1891. – 58 с.

⁶Серебренников капитан. Очерки Шугтана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LXX. – СПб., 1896. – С. 1-52.

⁷Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал из истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников). – СПб., 1900. – 205 с.

⁸Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903 г. – г. Новый Маргелан, 1903. – 78 с.

⁹Риттих П.А. Штабс-капитан. Авганский вопрос (военно-географический и политический этюды). На правах рукописи. – СПб., 1905. – 89 с.

¹⁰Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в средне-азиатском вопросе. – СПб., 1906. – 173 с.

¹¹Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – 380 с.

¹²Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент 1910. – 230 с. Приложением карт.

¹³Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 г. Десятилетие присоединения Памира к России. – Варшава, 1902. – 163 с. Предисловие. – I-VIII с.; Перечень трудов Б.Л.Тагеева (Рустам-Бека), о Памирских походах см. в данную книгу. – С. VII-VIII.

¹⁴Муханов Памирский район. – Ташкент: Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – 86 с. (Копия из Облгосархива ГБАО, Республики Таджикистан).

¹⁵Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. – Т.IX. – М.: Наука, 1977. – С. 197-482.

¹⁶Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960.- 214 с.; Он же: Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962.- 356с.; Ч.II. – Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1963.-352 с.; Он же: Из истории дореволюционного Таджикистана. – Душанбе: Дониш. 1974.-76 с.; Он же: История Памира. – Хороз: Мерос,1995.- 185с.

¹⁷Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России.– М.: Наука,1965.- 468с.; Он же. Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. – М.: Наука, 1975.- 76с.128с.+Приложение архивных документов.-77-126.

¹⁸Акрамов Н.М. Вопросы археологии Памира и Припамирья в трудах русских востоковедов. – Душанбе, 1974.; Он же: Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в

Постникова³, Х. Пирумшоева⁴, Абибова⁵, Э. Ходжибекова⁶. В этом плане, интерес представляют также монографии И. Мухиддинова⁷. В. В. Дубовицкого⁸, А. Валиева⁹ и повествования путешественника Иоанна Горненского «Тайны Памира»¹⁰, из цикла «Тайны древних цивилизаций», а также сборник «Шугнан», куда включены статьи по тем или иным историческим проблемам Шугнана¹¹.

Несмотря на то, что в работах вышеперечисленных авторов, в той или иной степени прослеживается процесс изучения проблем, причастных к истории Памира и Бадахшана, тем не менее, они не могут считаться целенаправленными историографическими исследованиями, посвященными анализу процесса научного изучения этого горного края, считающегося неотъемлемой частью славной истории таджикского народа.

На общем фоне всевозрастающей необходимости обстоятельного историографического исследования истории Памира и Бадахшана, уместно отметить и причастность автора данной диссертации. Его работа «Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв.»¹², как явствует из её названия, охватывает лишь русскую историографию Памира второй

трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе:Дониш,1975.-131с.; Он же: Русские исследователи о Памире и Припамирье // Таджикистан в трудах дореволюционных русских исследователей (вторая половина XIX–XX вв.). – Душанбе :Дониш, 1990. - С. 184-223, примеч. – С. 287-297.

¹Назаршоев Н. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира.– Душанбе:Ирфон,1975.-296с.

²Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994.- 272с.

³Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: РИПОЛ классик, 2005.- 512с.

⁴Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009.-688с.;См. так же: Пирумшоев Х. Памир в первой половине XIX – начале XX вв. // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С. 285-377; его же: Присоединение Памира к России // История таджикского народа. – Т.IV. – Душанбе: Дониш, 2010. – С. 649-707, 723-732.

⁵Абибов А. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон (асри XIX ва аввали асри XX). – Душанбе: Дониш, 1971. – 197 с.; Хабибов А. Ганчи Бадахшон. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 320 с.; Его же: Доираҳои адабии Бухорои Шарқи (Асри XIX ва ибтидои асри XX). – Душанбе: Дониш, 1984. – 240 с.; Его же: Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Хиндустон (асрҳои XVI-XVIII). – Душанбе: Дониш, 1991. – 172 с. и др.

⁶Хочибеков Э. Шугнан аз аҳди қадим то инқилоби Октябр // Шугнан. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 33-121.

⁷Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1975. – 125 с.; Его же: Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с.

⁸Дубовицкий В.В. Деятельность Туркестанского отдела Русского географического общества по изучению территории Таджикистана (1868-1917). – Душанбе: Хумо, 2006. – 188 с.

⁹ Валиев А. Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Душанбе: РТСУ, 2013. – 229 с.

¹⁰Горненский И. Тайны Памира. – М.: Вече, 2002. – 384 с.

¹¹Шугнан. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 704 с.

¹²Пирумшоев М. Памир в русской историографии второй половины XIX–начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

половины XIX–начала XX вв. Выход в свет настоящего труда ещё более наглядно продемонстрировал необходимость углублённого историографического изучения древней, средневековой и новейшей истории Памира и Бадахшана.

Объектом исследования является историография древней, средневековой, новой истории Памира и Бадахшана.

Предметом исследования считается определение степени научного освещения истории Памира и Бадахшана с древности до новейшего периода в отечественной и мировой ориенталистике.

Цель и задачи исследования. Основной целью представленной к защите диссертации является определение степени вовлечения источников в научный оборот, и на этой основе проследить за процессом разработки проблем, связанных с древней, средневековой и новой историей Памира и Бадахшана. Такой подход открывает широкий простор для комплексного историографического анализа, необходимого для выявления достигнутых результатов с одной стороны, и с другой определения проблем, решение которых соответствуют требованиям насущных задач современной национальной историографии.

С учётом поставленной цели, приоритетными задачами данного исследования являются:

-определение этимологической концепции и географического ареала Памира, включая Бадахшан, на основе имеющихся источников и литературы;

- анализ источников, связанных с древней историей Памира и Бадахшана;

- оценка освещённости древней истории Памира и арийского происхождения его населения в отечественной и зарубежной историографии;

- выявить заслуги исследователей в изучении политической, социально-экономической и культурной жизни раннесредневекового Памира

- осветить историографию истории Памира IX-XV вв. и на этой основе определить степень изученности положения Памира в эпоху Саманидов, политическую обстановку в период владычества монголов, освещения истории Памира и Бадахшана периода правления Тимуридов;

- проследить за процессом исследования истории Памира и Бадахшана в контексте политической истории Средней Азии позднесредневекового периода (XVI–середина XIX вв.);

- определить степень вовлечения в научный оборот местных источников, относящихся к позднесредневековой истории Памира и Бадахшана;

- акцентировать внимание на объективности анализа социально-экономического положения позднесредневекового Памира и Бадахшана в исследованиях отечественных и зарубежных историков;

- выявить степень изученности геополитических интересов Англии и России на Памире;

- обстоятельно проанализировать историографию присоединения Памира к России и особенности его административного управления;

- осуществить сопоставительный историографический анализ особенностей социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв.;

-проанализировать историко-этнографическую литературу, освещающую культурные традиции памирцев XIX – начала XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают длительную историю Памира и Бадахшана с древности до начала новейшего (1917) периода. В их орбиту включены следующие этапы историографического анализа:

1. Памир и Бадахшан в древних письменных и материальных источниках;
2. Историография древнего и раннесредневекового периодов;
3. Памир и Бадахшан IX-XV вв. в сочинениях средневековых авторов и исследованиях востоковедов.
4. Историография Памира XVI – середины XIX вв.;
5. Историографический анализ событий, связанных с англо-русским противостоянием в регионе;
6. Степень освящения оккупационных действий афганцев на Памире;
7. Анализ имеющейся литературы процесс присоединения Памира к России;
8. Сопоставительный анализ перемены, происходившие в социально-экономической и культурной жизни Памира в конце XIX- начале XX вв.

Территориальные рамки исследования соответствует общепринятому научному определению географического пространства Памира. Оно помимо Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, охватывает северные склоны Кашгарского Памира (северные склоны Гиндукуша), входившего в состав Синцзянской провинции Китайской Народной республики, а также левобережная часть Западного Памира и Бадахшана, ныне относящиеся к Исламской республике Афганистан.

Научная новизна диссертационной работы проявляется в том, что впервые представлено комплексное историографическое исследование Памира и Бадахшана с обширным хронологическим показателем, охватывающим древнюю, средневековую и новую историю этого горного обиталища таджиков. Анализируя огромный пласт источников и литературы, автору удалось впервые представить обстоятельный историографический труд, освещающий многоплановый процесс научного изучения многовековой истории Памира с Бадахшаном, как единое географическое пространство, издавна привлекающее интерес учёных историко-географических направлений науки.

Степень **научной новизны** настоящего исследования определяется наличием следующих аргументов:

- на основе имеющихся источников, сведений путешественников и заключения авторов историко-географических исследований определено географическое пространство Памира;

- обстоятельно анализируются материальные (археологические) и письменные источники, относящиеся к древней истории Памира и Бадахшана;

- приводится сопоставительный анализ заключения исследователей, касательно этнической принадлежности памирцев, как и всех таджиков к древней индоиранской (арийской) общности;

- объективно оценены заслуги исследователей в изучение политической, социально-экономической и культурной жизни раннесредневекового Памира;

- была успешно предпринята попытка проанализировать историографию истории Памира и Бадахшана в IX–XV веках, с акцентом на оценку степени научной изученности их положения в период правления Саманидов и последующих эпох с учётом политической обстановки в период монгольского владычества и династии Тимуридов;

- впервые проводится комплексный историографический анализ изучения истории Памира и Бадахшана в контексте политической и социально-экономической истории Средней Азии в эпоху позднего средневековья (XVI — середина XIX вв.);

- определена степень вовлечения в научный оборот местных источников причастных к позднесредневековой истории Памира и Бадахшана;

- особое внимание уделено степени объективности анализа социально-экономического положения позднесредневекового Памира и Бадахшана в исследованиях отечественных и зарубежных историков;

- впервые путём сопоставительного анализа обстоятельно выявлена степень изученности геополитических интересов Англии и России на Памире;

- на более обширной источниковедческой и историографической основе проанализированы проблемы, связанные с присоединением Памира к России и особенности его административного управления;

- существенно расширен сопоставительный историографический анализ особенностей социально-экономического положения Памира конца XIX – начала XX вв.;

- проведён более обстоятельный анализ историко-этнографической литературы, освещающей особенности традиционной культуры памирцев XIX – начала XX вв.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка проведения комплексного историографического анализа истории Памира и Бадахшана. Теоретически этот анализ способствует более глубокому научному восприятию истории Памира в её обширном географическом контексте, включая Бадахшан и левобережье Западного Памира, которые в результате исторических событий и геополитических интересов Британской и Российской империй оказались под властью Афганистана. Подобный анализ позволяет более объективно оценить роль Памира в геополитических

событиях того времени, когда была нарушена географическая целостность таджикского народа.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что содержащиеся в нём материалы могут быть использованы в дальнейшем научном анализе различных аспектов истории таджикского народа в целом, Памира и Бадахшана, в частности. Эти материалы могут быть полезны при подготовке учебников и учебных пособий по истории таджикского народа.

Методологическая основа исследования. Диссертация основывается на принципе историзма, являвшимся ключом к объективному анализу сложного процесса, связанного с общим закономерным процессом, присущим древней, средневековой и новой истории Центральной Азии в целом, Памира и Бадахшана, в частности. В работе применён комплекс таких общенаучных методов исследования, как сравнительно-исторический, системно-структурный, проблемно-хронологический, сопоставительный, критический, дедуктивный, индуктивный, ретроспективный и историко-типологический. Придерживались также принципов конкретности, объективности, комплексности, системности и других методов, присущих общесторическим, историографическим и источниковедческим исследованиям.

Основные положения, выносимые на защиту:

- географическое пространство Памира и Бадахшана, несмотря на наличие древних и средневековых сведений, также обширного круга исторических и географических исследований, не получило точного и конкретного определения в отечественной и мировой историографии. Фактически, на основе имеющихся источников, данных исследователей и точки зрения авторов историко-географических трудов, предпринята первая попытка определения географических границ этого горного региона, являющегося местом обитания таджиков с древнейших времён;

- в течение длительного времени на Памире проводились археологические исследования. Настало время рассмотреть их в контексте историографического взгляда. Анализ находок советских и современных археологов, а также сохранившихся письменных документов и их сопоставление с выводами учёных по данному вопросу позволяет составить более точное представление о древней истории Памира и Бадахшана;

- антропологические показатели и заключения известных исследователей приводят к однозначному мнению об этнической принадлежности памирцев, как и других таджиков, к древней индоиранской (арийской) общности;

- историографический анализ имеющихся источников и изучение трудов исследователей, связанных с историей раннего средневековья Памира, несмотря на фрагментарность и малоинформативность, даёт широкие возможности для детального изучения политической, социально-экономической и культурной жизни Памира и Бадахшана в период с III по VIII в.

- сведения из историко-географических сочинений средневековых авторов являются ценными источниками для изучения истории Памира и Бадахшана в эпоху Саманидов и после упадка их государственности. Активное включение этих данных в научный оборот способствует глубокому анализу политического и социально-экономического положения этих горных регионов в XI–XV вв., особенно в периоды татаро-монгольского ига и правления Тимуридов в Мавераннахре и Хорасане.

- комплексный историографический анализ поэтапного исследования истории Памира и Бадахшана, даёт возможность определить процесс часто менявшегося династического управления в Средней Азии и степень его влияния на политическую, социально-экономическую жизнь этих горных владений в позднем средневековье (XVI–середине XIX вв.);

- историографический анализ позднесредневековой истории Памира и Бадахшана показывает однозначное мнение исследователей о сохранении самостоятельности в их традиционном династическом управлении, несмотря на усиливавшееся давление со стороны более могущественных соседних государственных образований. В этом плане особую значимость приобретают местные источники, изучением которых занимались исследователи, связанные с историей Памира и Бадахшана в XVI — середине XIX вв.;

- особое место в историографии Памира и Бадахшана занимают исследования, посвящённые истории усиления геополитических интересов Англии и России на Памире. В этом плане сопоставительный анализ имеющихся источников и исследования российских и западноевропейских востоковедов и военно-дипломатических кругов яснее демонстрирует степень противостояния двух империи в этом стратегически важном горном узле;

- вторая половина XIX — начало XX века в истории Памира и Бадахшана характеризуется как трагический период. Вследствие прямого вмешательства британских колонизаторов Бадахшан был насильственно включён в состав Афганистана в 1873 году. В 1880-х годах началась афганская оккупация Западного Памира, которая продолжалась до середины 1890-х годов. России пришлось приложить значительные усилия для освобождения правобережной части Западного Памира от афганского контроля. Историографическое исследование этого способствует определить степень изученности этих вопросов в современной отечественной исторической науке.

- особенности российского административного управления, связанные с присоединением Памира к России, а также обилие источников и литературы требуют более глубокого изучения. Имеющиеся разногласия по этому вопросу вызывают необходимость объективного сопоставительного анализа для оценки вклада учёных, занимавшихся изучением истории присоединения Памира к России. Особый интерес представляют причины искусственного

разделения Памира и позитивные изменения, произошедшие в той его части, которая перешла под юрисдикцию Российской империи;

- на наш взгляд, в историографии Памира особое место занимают социально-экономические перемены, которые происходили на Памире в конце XIX — начале XX вв. Данная проблема вызывала особый интерес как дореволюционных и советских, так и современных исследователей. Свидетельством тому является большое количество работ, посвящённых этому периоду истории Памира, в которых в той или иной степени прослеживается история изучения данной проблемы. Нельзя обойти вниманием и упомянутую выше книгу автора диссертации, в которой дан обобщённый историографический анализ трудов русских исследователей, связанных с событиями, происходившими в конце XIX — начале XX вв. на Памире и в Бадахшане.

- в общем процессе исследования истории Памира особое значение имеет традиционная культура местного населения, которая является неотъемлемой частью таджикской культуры, развивавшейся и совершенствовавшейся на протяжении веков в соответствии с историческими реалиями различных эпох. Если материальную и духовную культуру древнего и средневекового периодов можно изучать с помощью археологических и письменных источников, то история культуры Памира XIX — начала XX вв. подробно освещена в трудах русских дореволюционных авторов, изучавших этнографию региона. Трудно переоценить заслуги советских исследований в контексте таких аспекты духовной культуры, как музыкальное искусство и художественная литература (особенно поэзия). Историографический анализ помогает объективно оценить достижения исследователей и определить дальнейшие перспективы изучения этой проблемы.

Источниковедческая база исследования обширна и многообразна.

Для проведения сопоставительного анализа и определения степени достоверности сведений, предоставленных исследователями, работающими с историей Памира и Бадахшана, были использованы следующие категории источников:

1. русские переводы античных и китайских источников;
2. средневековые персидские и арабские сочинения;
3. сочинения местных знатоков истории;
4. извлечённые из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз., г. Ташкент) материалы¹, Копии архивных материалов хранившиеся в областном архиве ГБАО и материалы Архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ (ныне НАНТ) из Фонда А.А. Семенова;

---

¹Копии определенной части архивных материалов диссертанту любезно предоставлены профессором Х. Пирумшоевым.

5. опубликованные документальные материалы, относящиеся к англо-русскому противостоанию, тексты англо-русских переговорных заседаний, договоров 1873 и 1895 гг. касательно Памирского разграничения 1895 г.;

6. работы представителей русских военно-дипломатических кругов, посетивших Памир во второй половине XIX – начале XX вв.;

7. путевые записки европейских и русских путешественников, а также документальные материалы, содержащиеся в трудах исследователей, относящиеся к позднесредневековому и новому периодам истории Памира и Бадахшана.

Апробация работы. Основные положения и выводы настоящего исследования изложены автором в докладах на международных, региональных, республиканских, межвузовских научных конференциях и научно-теоретических семинарах.

Помимо упомянутой монографии, диссертант составил программу курса «Российско-среднеазиатские отношения в XVI - начале XX вв.», подготовил учебное пособие по этому курсу для студентов бакалавриата РТСУ, опубликовал 14 статей в научных сборниках и 17 статей в рецензируемых журналах, одобренных ВАК Министерства образования и науки РФ. Автор также выпустил две монографии, в результате чего общий объём соответствующих публикаций составил более 40 печатных листов.

Структура исследования. Диссертация состоит введения, пяти глав включающих 20 разделов (параграфов) и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, анализирована степень ее изученности, определены объект и предмет изучения, цель и задачи работы, ее научная новизна, очерчены хронологические и географические рамки, обоснована ее теоретическая, практическая значимость. Определена методологическая основа, дана характеристика привлеченных источников и литературы, сформулированы положения, выносимые на защиту. Приводятся сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава диссертации – **«Древний Памир в источниках и исторических исследованиях»**, состоящей из 4-х разделов (параграфов), посвящена географическому определению и анализу имеющихся источников и исследований по древней истории Памира и Бадахшана.

В первом разделе данной главы – **«Историко-этимологическое и географическое определение Памира и Бадахшана»** основное внимание уделено анализу этимологического понятия Памира и его научного определения географического пространство, которое охватывает существенно шире, чем нынешняя территория Горно-Бадахшанская область входившей в состав Республики Таджикистан.

Известно, что загадочное высокогорное пространство в центре Азии под названием Памир и по праву носящий эпитет «Крыша мира» практически не было известно учёному миру до последних двух столетий. По мере знакомства и всевозрастающего интереса путешественников, географов и других представителей знаний, удалось накопить большой объём работ, унаследованных несколькими поколениями европейских, российских и советских учёных. Однако, в целом, несмотря на успехи мирового памироведения, все ещё существуют вопросы, требующие более обстоятельного научного осмысления. К ним относятся некоторые противоречия касательно чёткого географического описания Памира. То же самое наблюдается и по отношению к этимологическим понятиям Памира и Бадахшана.

Действительно, этимологическое понятие «Памир» таит в себя немало толкований и догадок. Впервые слово «Памир» упоминается в записках китайского путешественника VII в. Сюань-Цзана, побывавшего в странах, находившихся у истоков Амударьи. Сюань-Цзан в начале своего путешествия в Индию (629-648), пересекая горную местность в 630 году, в своих путевых заметках называет её 婆米罗 (По-ми-ло). По мнению исследователей, это и есть не что иное, как Памир. Арабские путешественники приводят в своих сочинениях название Памир в виде «Фамир» или «Бамир», что несколько ближе к современному произношению данного названия. Марко Поло, путешествовавший по Памиру в XIII в., в своих записках употребляет название «Памир»¹. Такие же этимологические толкования Памира встречаются в работах западноевропейских и русских исследователей (Гордон, Троттер, Северцов, Путята, Форсайт, Юль и др.), связывающие его с названием Меру – мифической горой, которая, по индийской космографии, находится в центре земли.

Словом, можно приводить немало примеров порою противоречивых толкований географов, филологов и топографов, но исходя из исторической логики изучения и этимологического объяснения названия «Памир», более правдоподобным является «Пои-мир», или «Крыша мира», происходившее от названия легендарной священной горы индусов – Миру (солнце или бога солнца), т.е. место обитания богов.

Разночтение встречается также в отношении определения этимологического понятия «Бадахшан». Но независимо от различия в произношениях, приведённых в средневековых источниках, суть во мнениях известных западноевропейских и русских востоковедов о том, что название

---

¹ Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И.П. Минаева. Редакция и вступительная статья И.П. Магидовича. – М.: Изд-во Географическая литература, 1956. – С. 76. (общ. С. – 388); См. также: Агаханянц О. Между ГиндукушмиТянь-Шанем. История изучения природы Памира. – Душанбе: Госиздат, 1962. – С. 26-27.

Бадахшана происходит от добываемого в этом владении драгоценного камня – «балахша» (рубин, ляпис-лазурь) не меняется.

Также путь к более точному научному определению географического пространства Памира был долгим и нелёгким. Исторический процесс накопления географических сведений о нём берёт начало с древности. Первые сведения о странах, лежащих по обоим берегам верхнего течения Окса (Амударья), имеются в античных географических сочинениях Плиния (I в. н.э.) и Птолемея (II в. н.э.). Сведения о Памире имеются в путевых заметках китайских паломников, географических и исторических сочинениях арабских авторов X-XII вв. и европейских путешественников XII – XV вв.

Ценные географические сведения о владениях, находившихся в верховьях Пянджа, имеются в историко-географических сочинениях средневековых арабо-персидских (таджикских) и европейских авторов, но до начала XIX в. они не были систематизированы. Это и не позволило составить географическую карту среднеазиатского региона в целом, и Памира в особенности. Другим словами, до этого времени происходило первичное накопление материалов о природе Памира.

По сути, научное изучение этого горного края было обусловлено усилением соперничества между Англией и Россией за контроль над этим стратегически важным для обеих империй пространством. Англичане с конца 30-х годов XIX в. развернули широкую агентурную работу в Средней Азии в целом и на Памире в частности. Это и стало побудительным мотивом в активизации политики России в регионе. Но, несмотря на это, в целом, Памир и прилегавшие к нему территории продолжали оставаться для России малоизученными вплоть до 70-х годов XIX в.

В 70 – 80-е годы XIX в. прослеживается складывание постепенного перевеса России в исследовании Памира, как в географическом, так и в геополитическом плане. При этом отправной точкой для русских исследователей послужило накопление сведений всех предыдущих путешественников и географов, в той или иной мере причастных к изучению Памира и близлежащих владений. В этом плане пионерами являлись известные русские востоковеды В.В. Григорьев (1816-1881) и И.П. Минаев (1840-1890).

В дальнейшем, по мере более углублённого изучения природных условий, географическое представление о данном горном регионе приобрело научно обоснованные очертания. Русские исследователи, последовательно расширяя сферу своих географических изысканий, сочли необходимым выйти за рамки предварительных определений Памира и предложить более точные границы этого понятия. Мнения русских дореволюционных исследователей, подробный анализ которых приводится в диссертации, в известной мере служили основой для научного определения реального географического определения Памира.

После революции Памир приобрёл более четкую научно-географическую характеристику. Результаты комплексных исследований, охватывающих геологическое строение, типы растительности, климат, состав почв и формирование рельефа, подтвердили мнение, что термин «Памир», как правильное географическое обозначение, в первую очередь относится к территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Однако это обозначение не означает, что географические рамки Памира ограничиваются строго его административными границами.

«Основная часть Памира, – пишет Б.А. Литвинский, – входит в состав Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан – М.П.), восточная часть памирской горной страны – Тогдумбаш-Памир (или Кашгарский Памир) – КНР, самая южная часть Вахано-Гиндукушского Памира – Афганистан»¹.

В этом плане, с предельной точностью определили географическое пространство Памира авторитетные советские исследователи О. Агаханянц и А. Юсуфбеков. Согласно их обоснованному мнению «географическое пространство в академических исследованиях, именуемое «Памир», охватывает около 2/3 территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, 1/3 Кашгарский Памир (северные склоны Гиндукуша), который входит в пределы территории Сыньцзянской провинции Китайской Народной Республики, а также часть Западного Памира (восточный Афганский Бадахшан), которая относится к Исламской Республике Афганистан»².

Как видно, географическое понятие Памира намного шире, чем то, которое сложилось в нашем представлении (только в пределах территории ГБАО). Если брать ещё точнее, то в широком географическом понятии Памир охватывает площадь, равную 91 945 квадратным километрам, в то время как в территориально-административных рамках Горно-Бадахшанской автономной области, она составляет 63 тысячи квадратных километров³.

Современный русский исследователь А.В. Постников, как бы суммируя мнения почти всех более или менее известных специалистов – как русских дореволюционных, советских, так и зарубежных о географическом расположении Памира, пишет: «Памирский горный узел – это грандиозное эрогенное поднятие, являющееся центром нескольких южно- и центрально-азиатских хребтов, включающих хребты Гиндукуш и Каракорум, а также горы Куэньлун и Тянь-Шань. Большая часть этой горной страны расположена в пределах Таджикистана, но отдельные её районы принадлежат Афганистану, Пакистану, Китаю и Кыргызстану. Высокогорья Таджикистана

---

¹Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – С.3. См. также: Эдельман Д.И. Географические названия Памира // Страны и народы Востока. – Вып. XVI. Памир. – М.; Наука, 1975. – С. 41.

²Агаханянц О. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. – С.11.

³Агаханянц О.Е., Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира. – С.26.

с высочайшими вершинами Горно-Бадахшанской автономной области составляют ядро Памира»¹.

Разумеется, можно привести ещё десятки мнений авторов различного направления науки о древней, средневековой истории, легенды, мифы, связанные с этимологией, а также географией Памира и Бадахшана как неотъемлемой его частью. Приведённые заключения сведущих учёных, свидетельствуют о том, что Памир как географическое пространство, включает в себя более обширную территорию, выходящую за пределы Горно-Бадахшанской автономной области.

Во втором разделе первой главы – **«Заселение древний Памир в археологических, письменных источниках и исторических исследованиях»**, последовательно прослеживается процесс накопления археологического материала в той или иной мере относящегося к древнему периоду истории Памира. В этом отношении особая заслуга принадлежит известным советским археологам: А.Н. Бернштаму, руководившему Памиро-Алайской археологической экспедицией в 1946-1956 гг.; сменившему его Б.А. Литвинскому; а также В.А. Ранову, М.А. Бубновой и А.Д. Бабаеву, которые с 1960-х годов проводили результативные раскопки на Памире. В результате проводимых раскопок с целью изучения памятников каменного века было обнаружено свыше 40 стоянок, большая часть из которых датируется 8-5 тыс. лет до н. э. На этих стоянках собрано около 15 тысяч предметов каменного века. Их анализ свидетельствует о том, что в древности на Памире проживали европеоидные по расовому типу восточно-иранские сакские племена, составившие впоследствии один из важных пластов современных таджиков памирских народностей. Опираясь на открытия учеными стоянок первобытных людей на Памире, известный специалист каменного века В.А. Ранов приходил к заключению о том, что они относятся к VIII – V тысячелетиям до н.э., т.е. к периоду палеолита². Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что еще задолго до прихода сакских кочевых племен на Памире жило местное оседлое население, которое обладали высокой культурой земледелия и скотоводства.

В освещении древнейшего периода истории Памира и Бадахшана, особую ценность представляют письменные источники, какими являются сведения, имеющиеся в «Авесте» и в историко-географических сочинениях античных авторов, Геродота (V век до н.э.), который несколько расплывчат, но все же впервые приводит сведения о южных припамирских областях³ и Страбон

---

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. – М.: Рипол классик, 2005. – С.43.

² Ранов В.А. Археологическое изучение Памира // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: «Ирфон», 1981. – С.351.

³ Геродот. История в девяти томах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ, 1999 (729 с.). – С. 102-105;

(64/63 до н.э. – ок. 23/24 н.э.), упоминающий о Паропамисе¹, который исследователи отождествляют с Памиром. Сведения о Памире существенно пополнились в период похода Александра Македонского, но во многом они дошли до нас только фрагментарно или в пересказе более поздних авторов.

Вслед за античными сведениями в изучении древности Памира и Бадахшана особую ценность занимают китайские источники. Непосредственное ознакомление китайских географов с Памиром берет начало с середины I в. до н.э., в тексте «Цяньханьшу» составленной Бань Гу (умер в 92 г. н.э.). Под Цунлином Бань Гу имеет ввиду Памир². Такие же сведения встречаются в составленной книге Фань Е (умер в 445 г.) «Хоуханьшу», которые совпадают с содержанием «Цяньханьшу»³.

В целом, несмотря на различные её толкования локализации исторической географии, китайские источники в известной мере, проливают свет в определение особой значимости Памира, как важнейшего связующего звена в торгово-политических взаимоотношениях древних государственных образований в Центральной Азии.

Конечно, сами по себе вышеупомянутые археологические и письменные источники не могут дать полного представления о жизни этого горного региона в древности, однако анализ их содержания позволил исследователям частично восстановить общую картину хозяйственной деятельности его жителей.

В третьем разделе первой главы – **«Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии»**, анализируются имеющиеся исследования в той или иной степени причастные к проблеме принадлежности населения Памира и Бадахшана к арийской расе. Особый интерес к этой проблеме проявляли западноевропейские, русские, советские, да и современные исследователи.

В своё время, изучая вопрос о прародине ариев, известный немецкий географ К. Риттер (1779-1859) на основе грамматического анализа древнего текста «Зенд Авеста», поместившего колыбель иранской расы в район горного узла «Индийского Кавказа»⁴, под которым понимал Памиро-Гиндукушскую горную систему. Английский учёный конца XIX века М. Миллер, поддерживая данную трактовку текста Авесты и других источников, считал, что первоначальным обиталищем ариев было плоскогорье Памира. По его мнению, во время переселения в XV веке до н. э. они разделились на две группы: первая направилась в сторону Индии, вторая — в Европу.

---

¹ Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. – М.: «Наука», 1964 (944 с.). Книга XV. – С. 642 и 673.

² Бичурин Н. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – Т. II. – М., 1950. – С.169-170.

³ См.: Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.57-65.

⁴ Риттер К. Иран Ч.1. Перевод и пополнения Н.В Ханькова. – СПб.: Изд. РГО, 1874. – С. 24.

Оставшиеся на Памире арии спустя несколько десятилетий, в XIV веке до н. э., частично переселились в Иран.

Не вдаваясь в подробный анализ противоречивых трактовок, встречающихся в науке (многочисленные примеры которых приведены в диссертации), особое внимание следует уделить аргументированным доводам российских исследователей. Опираясь на доступные источники, используя выводы ведущих западноевропейских учёных.

Первые русские путешественники, изучавшие историю, быт и нравы местного населения Средней Азии ещё до вхождения региона в состав Российской империи, обращали внимание на расовые и антропологические особенности местного населения. В связи с отсутствием соответствующих сведений о Памире, они довольствовались лишь описаниями западноевропейских путешественников Марко-Поло, Бенедикта Гоеса, М. Эльфинстона, А. Борнса о Бадахшане и Вахане.

Присоединение края к России открыло широкий простор для исследователей в историческом и в особенности этнографическом плане. О принадлежности таджиков, в том числе горных, к арийской расе встречается во всех работах русских исследователей, посетивших Памир в конце XIX-начале XX вв. К примеру, указывая на отличительные черты бадахшанцев известный востоковед-индолог И. Минаев пишет, что «Раса очень красива». Излагая свои впечатления Д.Л. Иванов от наблюдения за таджиками Западного Памира главным образом жителей Дарваза, Рушана, Шугнана и отчасти Каратегина, пишет: «Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя»¹. Капитан Кузнецов, упоминая об этнической особенности местного населения, указывает, что «жители западных Памиров, таджики – народ арийского происхождения»².

Примерно такая же характеристика встречается в работах Е. Маркова, С. Масловского, А. Н. Самоиловича, А. Шишова, Б.Л. Тагеева и др.

Таким образом, мнения специалистов позволяют сделать вывод, многие западные, российские, советские и современные исследователи, изучающие историю Памира и Бадахшана, в подавляющем большинстве своём, вполне обоснованно считают это горное пространство одним из важных обиталищ древних арийцев. Это подтверждается многочисленными археологическими материалами.

Заключительный – четвертый раздел первой главы – «Политическая обстановка и хозяйственно-бытовые традиции Памира и Бадахшана в поздней древности (середина II тыс. до н. э. – III в. н. э.)», посвящена анализу имевшихся источников и исследований в той или иной мере

---

¹Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С.240.

² См.: Кузнецов. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. LVI. – СПб., 1894. – С.1-21.

освещающих политическую обстановку и хозяйственно-бытовую жизнь горных таджиков. В этом плане основными источниками для изучения истории периодов поздней древности и раннего средневековья Памира являются содержания сочинений китайских авторов.

Согласно информации, содержащейся в китайских источниках, в I веке до н.э. в пределах Западного, Южного и Восточного Припамирья существовало несколько небольших владений с оседлым земледельческим населением. Согласно их сведениям, Западное Припамирье и Вахан были подчинены юэчжам. Имеются также данные о распространении власти Кушанов на значительной территории Памира.

События, происходившие вплоть до утверждения власти кушанов и их причастность к Памиру на основе достоверных источников сравнительно подробно изложены в трудах Б. Г. Гафурова, А.Н. Бернштама, А.М. Мандельштама, Б.А. Литвинского, М.А Бубновой, А.Д. Бабаеваи др. Их вклад в изучении истории двух последних тысячелетий до начала средневекового периода Средней Азии в целом, Памира и Бадахшана в частности, неоценим.

Отсутствие достоверных источников затрудняет однозначно определить положение памирских владений во второй половине I тысячелетия до н.э. По имеющимся сведениям в I-II вв. н.э. в составе кушанского государства находился лишь Вахан. Это даёт основание полагать, что кушаны в той или иной степени контролировали значительную часть Памира. Что касается состава населения этого горного края, то оно состояло из оседлых ирано-язычных племён, включая племя саков.

Имеющиеся материальные и письменные источники наводят на мысль о том, что государствообразующие условия на Памире и Бадахшане сложились в древности, и в этом отношении если не наравне с первыми древними государственными образованиями в Средней Азии, то с учётом географических реалий это могло происходить несколько позже. Главными жизнеобеспечивающими занятиями древних жители Памира и Бадахшана в основном являлись земледелие, скотоводство и ремесло. Обнаруженные отдельные предметы также свидетельствуют о существовавших торговых связях с соседними и дальними странами.

Интересуясь вопросами земельной культуры в высокогорных районах, выдающиеся русские советские естествоиспытатели С.И. Коржинский, Н.И. Вавилов, Н.П. Горбунов и другие в известной мере проливали свет на эту проблему. К примеру, С.И. Коржинский при анализе остатков злаков, отметил, что на Памире с древних времён высевали один из видов кукурузы (джугара, местный сорт с белыми зёрнами). Академик Н.И. Вавилов в Шугнани первым среди учёных обнаружил доселе неизвестный один из местных сортов пшеницы, получившей широкое распространение в горных условиях в древности. Это привело учёного к мнению о том, что Памир является одним из очагов появления пшеницы. В 1928 году участник

Памирской экспедиции под руководством Н.П. Корженевского Н. П. Горбунов обнаружил в Рушане древний сорт пшеницы, хорошо приспособленный к местным климатическим условиям. Их мнения подтверждали и результаты археологических раскопок А. Д. Бабаева и М.А. Бубновой на Памире.

О развитии кузнечного дела свидетельствуют находки бронзовых наконечников стрел, ножи, наконечники копий в могильниках Кальта-тур, Баланд-Киик и Южбок, относящиеся к концу II тыс.– началу I тыс. до н. э. К более позднему периоду (III в. до н. э.) относятся такие железные предметы, как наконечники стрел, ножи, кинжалы, бронзовые и железные браслеты, кольчуги и предметы труда. У древних памирцев широкое развитие получили гончарное производство, деревообрабатывающее ремесло, ткачество и другие виды ремесленного производства.

Из других видов занятий, которые прославили жителей Памира и Бадахшана ещё с глубокой древности, являются добыча и распространение почти во всех цивилизованных древних государствах драгоценных камней. Академик А.Е. Ферман, досконально исследовавший историю драгоценных камней и их место в жизни древних людей, касательно распространения бадахшанского ляпис-лазури пришёл к твёрдому заключению о том, что этот драгоценный камень разными путями через труднопроходимые караванные дороги попадал в Египет, Китай, Рим, Византию. То, что поставщиками лазурита, бирюзы, гранатов и золота издревле являлись горные области Памира и Бадахшана, однозначно подтверждается материальными и письменными источниками.

Всё это и наличие других примеров хозяйственно-бытовых традиций, характерных для оседлого населения, наводит на мысль о сложениях государственных образований на Памире и Бадахшане в той далёкой древности.

Вторая глава - «Историография раннесредневекового Памира и Бадахшана (III-VIII вв.)», состоящая из трёх разделов, посвящена историографическому анализу политической обстановки и социально-экономического положения горных владений указанного периода.

В первом разделе – **«Политическая обстановка Памира и Бадахшана в III-VI вв.»**, как явствует из названия, посвящается историографическому анализу сложившейся политической ситуации в этом горном крае в указанный период.

На фоне сложной политической обстановки в Средней Азии во второй половине третьего века, кушаны, территория которых охватывала и Памир, несмотря на свою сравнительно слаженную государственную структуру, не смогли сохранить свою независимость. Дальнейшее усиление Сасанидов и завоевание ими центральной части Кушанского государства – Бактрии (Тохаристана), привели к образованию в IV в. Сасанидского наместничества. С одной стороны, это свидетельствует о полном распаде Кушанского

государства, но, с другой, наличие кушано-сасанидских монет приводит большинство ученых к мнению о существовании кушано-сасанидского наместничества.

Политическая история Средней Азии IV-V вв. характеризуется сложным процессом раздробления более известных государственных образований на мелкие владения, между которыми шла непрерывная борьба за расширение сфер влияния. Это не могло не повлиять на этническую историю населения региона. На политическую арену выходили новые группы кочевников – хионитов, кидаритов, эфталитов, активность которых вызвала движение из Центральной Азии на запад гуннов. Следует отметить, что и поныне в историографии данного периода отсутствует чёткая дифференциация в определении их этнического происхождения, и пространства их обитания.

В контексте различных мнений учёных, связанных с определением их этнической принадлежности уместно упомянуть мнение А.М. Мандельштама о том, что в период существования своего государства, эфталиты «в значительном количестве расселились на территории Бадахшана, где продолжали вести кочевой образ жизни»¹.

Ограничение их этнической принадлежности исключительно памирским регионом представляется не вполне соответствующим обширности их историко-географического распространения. Независимо от разных толкований, однозначно следует считаться с одной реальностью – как хиониты, так эфталиты, независимо от их этнических особенностей и идентичности, имеют непосредственное отношение к Памиру.

Л.Н. Гумилев при разработке своей версии особое внимание уделил топоним местности, расположенной в афганском Бадахшане, на левом и частично на правом берегах Пяндж – «Ефталъ» или «Яфталъ». Согласно его мнению, территория эфталитов точно локализуется в горной стране вокруг Памира. При определении Бадахшана одним из главных очагов жизнедеятельности эфталитов, невольно возникает вопрос об их отношении к памирским сакам. Во всяком случае, такое предположение бытует среди учёных².

Анализ политической истории региона по сохранившимся источникам и востоковедным исследованиям показывает значительную скудность материалов, относящихся к политическому ландшафту Центральной Азии в целом и Памира и Бадахшана в частности, после кушанского краха, особенно по сравнению с более ранними веками нашей эры. Тем не менее, несмотря на эту фрагментарность, китайские источники имеют большое значение для понимания этого периода.

Упомянув о ценности китайских источников в освещении древней и начало средневековой истории Средней Азии, особо следует выделить

---

¹ Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА. – 1954. – Т. 20. – С. 62.

² См.: История таджикского народа. – Т. I. – С. 476-477.

заслуги выдающегося русского синолога Н.Я. Бичурина (1777-1853). Наряду с множеством работ, оставленных им в наследство, особое место занимает его источниковедческий сборник «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В трёх его объёмистых частях (томах) даётся перевод с китайского на русский язык, важные события из исторических сочинений, повествующих о династических историях Китайской империи I–X вв. и приводятся записки китайских паломников до начала VIII в., путь которых в Индию пролегал через Памир и другие области Средней Азии. О крайней ценности сведений, содержащихся в данном сборнике, свидетельствует тот факт, что со времени его издания (1851 г.) ни один учёный, причастный к истории Средней Азии поздней древности и начала средневековья, не может обходить этот уникальный источник.

Что касается причастности исследователей в изучении политической обстановки Памира и Бадахшана данного периода, то особую роль в этом плане принадлежит А.М. Мандельштаму (1920-1983). Он больше других исследователей истории Памира и Бадахшана раннесредневекового периода. на основе доступных ему источников, освещающих суть проблемы, писал: «На территории собственно Памира для этого времени нам известно только одно владение: Цзябей, Бохо, расположенное в пределах Вахана. Оно существовало уже в ханьский период, составляя часть Кушанской империи, после распада последней это владение, вероятно, составляло часть кидаритского государства».

Согласно мнению А.М. Мандельштама, опиравшегося на сведения китайских паломников, после разгрома Сасанидского царя Пероза (459-484 гг.) эфталитами на территории Средней Азии и Афганистана складывается новое крупное государство, в состав которого помимо отдельных частей Памира и припамирских областей, целиком входил Бадахшан, в пределах которого находилась столица эфталитского государства – город Бадиань.

Таким образом, несмотря на скудность источников, исследователям в той или иной степени удалось установить отношения таких этнических групп как хунны, хиониты, кидариты, эфталиты к народонаселениям и политической обстановке Памира и Бадахшана в III–VI вв.

Второй раздел – «Памир и Бадахшан в круговороте политических событий региона в VII-VIII вв.», посвящён анализу степени освещения политической истории данного периода в имеющихся источниках и исследованиях востоковедов.

Судя по содержанию сохранившихся источников, сложение Тюркского Каганата (551-744 гг.), состоявшее из кочевых племён в Алтае, привело к серьёзному усложнению политической ситуации в Средней Азии, главная тяжесть которой пала на долю Эфталитского государства. Согласно заключению А.М. Мандельштама, основанного на источниках, эфталиты оказались между двух огней – тюрками и Сасанидами и им пришлось одновременно сражаться против двух могущественных вражеских сил,

которые, несмотря на разногласия, вступили в союз против них. В результате, потерпев поражение в 563 г., государство Эфталитов прекратило своё существование: его области, расположенные севернее Амударьи, перешли к западным тюркам, а южные были присоединены к Сасанидскому государству. Эфталитам лишь удалось некоторое время держать под своей властью южную часть Средней Азии.

В этой связи важно определить степень зависимости всего Тохаристана, в том числе владения Памира и Бадахшана, от тюрков. Стремясь прояснить это несколько двусмысленное положение, А.М. Мандельштам, ссылаясь на «Записки» Сюань Цзана, предполагает, что под турецкое владычество попали все 27 владений, составлявших территорию Тухоло, включая Бадахшан. Однако, учитывая, что Сюань Цзан отдельно выделяет каждое из них в качестве государства, их подчинение тюркам, по-видимому, было весьма ограниченным¹. С другой стороны, однозначно судить о степени зависимости Памира и Бадахшана от тюрков в начале VII в. из-за отсутствия достоверных источников крайне трудно. Почти все суждения исследователей на сей счёт не выходят за рамки предположений.

Сопоставительный анализ имеющихся источников позволяет предположить, что если даже им удавалось склонить местных владетелей признать свою зависимость и в угоду их желаниям принять тюркские титулы, (к примеру «ябгу»), но всё же правление оставалось в руках местных владетелей. Признав эту «зависимость», они выражали свою покорность только на словах и посылали дары.

В дальнейшем, после неоднократных поражений от армии китайского императора, в 638 г. Западный Тюркский каганат потерял своё господствующее положение в Средней Азии, и вся подвластная ему территория перешла под номинальную власть Китая. Об этом влиянии свидетельствует факт проведения административной реформы и создания ряда губернаторств и округов.

Ликвидация власти тюрков китайцами в определённое время обеспечила политическую стабильность на обширной территории до границ Ирана, что способствовало развитию торговли в Тохаристане и Северной Индии по пути, пролежавшем через Памир. Но, начиная с середины VII в., участвовавшие арабские нашествия привели к тому, что в конце VII — начале VIII вв. арабы смогли установить свою власть на значительной территории Западного Тохаристана.

В создавшейся обстановке китайцы при всём желании, даже несмотря на просьбу Сасанидов о совместной борьбе против арабов, не могли дальше обещаний пойти на решительные действия. Главной причиной тому являлась ведение с 665 г. затяжной войны Китая с Тибетом, войска которого в союзе с

---

¹Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 134.

тюрками в 670 г. завоевали Восточный Туркестан с частью Восточного Припамирья и прочно держались до начала VIII в.

Во втором десятилетии VIII в. Китай, несколько оправившийся от постоянных военных столкновений с Тибетом и внутренней нестабильности, активизировал свои действия в утверждении своего влияния в Восточном Туркестане и Южном Припамирье. Усиление позиции Китая породило надежду во владениях Мавераннахре и Тохаристане с его помощью активизировать борьбу против арабов, которые к тому времени уже подходили к границам Вахана. Но китайский император, учитывая своё бессилие, ограничивался лишь утверждением в 729 г. бежавшего ябгу Тохаристана в Бадахшан титула царя Ида (эфталитов)¹.

Согласно имеющимся сведениям, население Мавераннахра и Тохаристана, оказавшись под арабским гнѐтом, надеялось на помощь Китая в своей освободительной борьбе. Неслучайно в 719 году некоторые владельцы этих регионов направили своих послов к китайскому императору с просьбой оказать им помощь. Китайский император, не обладая достаточной военной силой для отправки войск, ограничился лишь признанием легитимности власти этих владельцев. В тоже время арабы, уверенные в невмешательства Китая, продолжали расширять свои завоевания и вплотную подошли к границам Вахана. Оказавшись в отчаянном положении, правитель Вахана всё же надеялся на помощь Китая. С такой надеждой в 728 году он направил в Китай своих послов с драгоценными подарками. В 730 и 732 годах во главе очередных посольств, стоял сам владелец Вахана, но вся «помощь» Китая заключалась лишь в присвоении правителю Вахана звания генерала императорской гвардии. Тем временем, завоевательное движение арабов в конце VIII в. достигло ближайших пределов Памира. После занятия крепости Рашт в Каратегине, затем и Вахан, который безрезультатно надеялся на помощь Китая, в 794/795 г. они завладели Шугнаном.

В целом, исследования, связанные с анализом имеющихся источников, касательно политической ситуации, сложившейся в ходе арабских завоеваний в Средней Азии в VIII в., хотя и занимает заметное место в советской и современной историографии, но все же остаётся немало белых пятен в исследовании процесса окончательного утверждения ислама на Памире.

Третий раздел данной главы – **«Степень освещения социально-экономического положения раннесредневекового Памира и Бадахшана»**, как явствует из его названия, посвящён историографическому анализу социально-экономического положения Памира, в том числе и Бадахшана в раннесредневековом периоде.

Имеющиеся источники по политической истории Памира данного периода предоставляют ограниченную информацию об их социально-

---

¹Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира. – С. 143-144.

экономическом положении, что затрудняет обстоятельный анализ этого важнейшего аспекта жизни в данном горном регионе. Тем не менее, путевые заметки и другие записи китайских паломников в совокупности с археологическими материалами позволяют в известной мере обрисовать общую картину социально-экономической жизни раннесредневековых владений Памира и Бадахшана.

Сюань Цзян, приводя свои наблюдения о занятиях местного населения Памира, указывает, что в Шицини (Шугнан) много хлеба и овощей, но очень мало риса. Одежда местного населения в основном состоит из шерстяных тканей и кожи. В записках Хой Чао, совершившего путешествия в 20-х годах VIII в. в Индию, Тохаристан, Памир и Восточный Туркестан, обращая внимание на жизнь и быт населения Хуми (Вахан), указывает, что пища населения в основном состояла из печёных и варёных мучных изделий, они занимаются скотоводством, разводят рогатый скот и овец. В раннесредневековой китайской династической хронике – «Таншу» (История Тан) также эпизодически приводятся сведения, касающиеся хозяйственной жизни населения Памирских владений. В частности, указывается, что в Вахане вызревали бобы и пшеница, много фруктовых садов, жители разводили превосходных лошадей¹. Это наводит на заключение о сравнительно развитом земледелии и скотоводстве.

Уместно отметить, что в ходе археологических раскопок, на основе имеющихся артефактов учёные пришли к заключению о том, что разновидности культур, имевшие распространение на Памире в позднем средневековье с учётом отдельных исключений, мало чем отличалась от местного земледелия в конце XIX – начале XX вв.

На Западном Памире до высоты более 3000 м. над уровнем моря земледельцам удавалось возделывать разновидности зерновых злаков, масленичных и технических культур. Соответствующее развитие получили бахчевые культуры, садоводство и животноводство. Всё это, хотя и с некоторыми трудностями, учитывая климатические условия и ограниченность земельных ресурсов, обеспечивало основные жизненные потребности местных жителей.

Суровые природные условия, географическая изолированность обуславливали в течение длительного времени развитие жизненно важных самобытных традиций ремесленного производства. Разнообразные археологические находки на всём пространстве Памира и Бадахшана свидетельствует о сложении и развитии этого вида трудовой деятельности местного населения. Этому способствовало наличие железных руд (главным образом, в Ванче и Рушане), драгоценных металлов и камней. Кузнечество было широко распространено на всей территории Памира и Бадахшана.

---

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. – С. 112-122.

Разумеется, в трудных климатических условиях Памира, разбросанности патриархальных семей, деревообрабатывающее ремесло в виде плотницкого, столярного и других его разновидностей, занимало особое место в жизни местного населения. Широко практиковалось изготовление разнообразной посуды и другой хозяйственной утвари.

Археологические материалы свидетельствуют о развитии ювелирного дела. Украшения изготовлялись из бронзы, железа, кости и бус стеклянной массы. По мнению учёных, пролежавший через Памир на протяжении веков Великий Шёлковый путь существенно повлиял на развитие ремесленного производства. М.А. Бубнова, сравнивая обнаруженные ею привозные изделия из железа, бронзы, стекла, полудрагоценных камней, сердолика и нефрита в погребениях VII-III вв. до н. э., с письменными источниками и выводами ведущих специалистов, определила функционирование основных ветвей Шёлкового пути через Памир еще в I в. до н. э.¹.

Анализируя письменные источники и опираясь на выводы учёных, связанные с изучением сохранившихся археологических памятников, можно утверждать, что, несмотря на суровые климатические и географические условия Памира и Бадахшана, местное население умело использовало традиционные методы работы, соответственно природно-климатическим условиям местности. Эти навыки позволили производить различные сельскохозяйственные продукты и товары, связанные с домашним ремеслом. В этом плане заметное место занимали и торговые сношения.

Третья глава диссертационной работы **«Памир и Бадахшан IX – XV вв. в средневековых сочинениях и исследования востоковедов»**, посвящена историографическому анализу истории Памира и Бадахшана в эпоху развитого феодального общества в Центральной Азии.

В первом разделе этой главы **«Памир и Бадахшан в сочинениях эпохи Саманидов и научных трудах посвящённых этому времени»** прослеживается степень освещения положения горного края в историко-географическом наследии данного периода.

Сравнение имеющихся сведений по истории Памира IX–X вв. с источниками раннего средневековья показывает также их скудность, что существенно затрудняет изучение роли этого горного пространства в историческом контексте того периода. В анализе событий приходится довольствоваться в основном лишь разрозненными сведениями, содержащимися в историко-географических сочинениях арабо-персидских авторов того и более позднего времени.

В этом плане, особый интерес представляют сведения, содержащиеся в географическом сочинении арабо-язычного географа ибн Хордадбега «Книга путей и государства» написанном примерно в 846 г. В книге впервые упоминаются некоторые Памирские области в перечне сумм податей,

---

¹Бубнова. М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. – С. 33.

поступивших в казну Тахиридов в 826/27 г. Согласно приведённым автором данным, сумма, поступившая в казну Каррана составляла 4000, от Шикинана – 40 000, Вахана – 20000 и Мунджана – 2000 дирхемов¹. Данное сообщение приводит к мнению о том, что: а) эти области входили состав государства Тахиридов; б) Шугнан и Вахан сравнительно с Карраном и Мунджаном были крупными и богатыми областями этого государства. В данном сочинении автор также упоминает о Шугнани в связи с отправкой торгового каравана из Хутталя через Памир.

Упоминание о Бадахшане и Джирме имеется в сочинении Ал-Я`куби «Китаб ал-булдон» («Книга стран») написанном в 891 г., в связи с географическим описанием Балха, где перечисляет их наряду с 47 большими городами².

Уместно отметить, что арабские и персидские авторы, как правило, наряду с географическими сведениями отмечают добычу драгоценных камней, золота, серебра, которые составляли главный предмет вывоза, а также особо указывали на распространение ислама среди местного населения. Это в какой-то мере даёт возможность определить политическую атмосферу и социально-хозяйственную жизнь в том или ином владении Памира. В кратком упоминании в сочинении Ибни Хавкаля «Книга путей и стран», составленном примерно около 977 г., в частности указано, что граница Вахша и Хутталя на востоке доходит до Вахана и Шикниа (Шугнан), которые являются местом обитания неверных (дорулкуфр)³.

Особую ценность для исследователей представляет книга неизвестного автора, составленная в 372 х. (982/983 г.) «Худуд-ул-олам» («Границы мира»). Перечисляя провинции, области и города Хорасана, автор указывает на Бадахшан как «богатый город и место торговцев. В нём имеются серебряные копи, добывают золото, гранат и лазурит. Из Тибета туда привозят мускус»⁴. Согласно его описанию «Хумдод является местом обитания ваханских буддистов... Самаркандак является большим селением, где проживают индусы, тибетцы, ваханцы и мусульмане. Это является конечной границей Мавераннахра»⁵.

Такие краткие сведения, в основном географического характера, содержатся в сочинениях ал-Истахри, Ибн ал-Факих, ал-Мукаддаси, Ибн Руста и др. Составить по ним ясную картину политического и социально-экономического положения Памира и Бадахшана IX-X в. крайне трудно. «Суммируя все эти отрывочные данные, - пишет А. М. Мандельштам, - мы

---

¹ Ибн Хурдодбех. Ал-Масоликва-л-мамолик // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дуввум (мугуниарабиасл). – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Рахим Чалил, 1998. – С.15.

² Ал-Я`куби. Китаб ал-булдон. Тарҷумани форсии доктор Мухамад Иброҳим Оити. – Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва нашри китоб, 1354. – С. 64.

³ Ибн Хауқал. Сураг-ул-арз // Сомониён дар оинаи таърих. Чилди дувум (мугуни арабиасл). – Худжанд, - С.141.

⁴ Худуд-ул-олам. Мина-л-машиқ ила-л-мағриб. – Душанбе: Бухоро, 2014. – С.61.

⁵ Худуд-ул-олам. – С. 69. Мулхам (Булджам, Мулджам) по всей вероятности есть Мунчан.

получаем следующий ряд восточных пограничных областей Мавераннахра (с юга на север): Вахан, Шугнан, Рашт, Памир»¹.

Логическое сопоставление фактов, имеющих в источниках того периода, приводит к заключению о том, что в X в. в западных владениях Памира ислам ещё не имел определяющего религиозного влияния. Но независимо от процесса втягивания в орбиту влияния ислама, главное в это время происходило расширение границы Саманидского государства в пределах Памира. Это создавало благоприятные условия для стабилизации политической обстановки и утверждение ислама во владениях этого горного края.

Из содержания сведений, имеющих в исторических и географических сочинениях периода правления Саманидов и последующие периоды средневековья, можно прийти к заключению о том, что владения Памира и Бадахшана находились в состоянии зависимости от центральной власти Саманидов. При этом нередко встречаются факты, свидетельствующие о номинальном их подчинении.

По имеющимся источникам практически невозможно чётко определить социально-экономическое положение регионов Памира и Бадахшана в эпоху Саманидов. Приведённые сведения дают лишь ограниченное представление о состоянии сельского хозяйства, которое, за исключением использования орудий труда и развития мелиоративных систем, следы которых обнаружены археологами в республиках Средней Азии, не претерпело существенных изменений по сравнению с ранним средневековьем. Скучные данные письменных и археологических источников дают лишь общее представление о состоянии сельского хозяйства и постепенном внедрении феодальных отношений на Памире и в Бадахшане.

В целом, в государстве Саманидов наблюдались все атрибуты, присущие феодальному обществу. Говоря о формах владения землёй и процессе их сложения, то анализ имеющегося материала показывает, в Средней Азии существовали почти все формы землевладения, известные в IX-XII вв. Развитие феодальных земельных отношений не могло обойти стороной Памир и Бадахшан. Вместе с тем, природные условия, малоземелье, сохранение патриархальных отношений способствовали сложению характерных особенностей феодальных отношений в данном регионе.

В историко-географических сочинениях эпохи Саманидов, в частности, в «Худуд-ул-оламе» и указывается на Памир как на источник добычи золота, серебра, рубинов и лазурита. Такие же сведения приводит в своём трактате арабский географ и путешественник X в. ал-Мукаддаси (Макдиси).

Советские исследователи провели сопоставительный анализ разрозненных сведений письменных и археологических источников и обнаружили множество полезных ископаемых и рудников на Памире в эпоху

---

¹ Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – С.163.

Саманидов. В частности, важные ресурсы для экономического развития и производства, такие как золото, серебро, асбест, рубины, лал (красная шпинель), гранаты, джахонт, хрусталь и лазурит, добывались в Бадахшане с древних времён. Золото, серебро, лал и гранат добывались в Вахане, серебро и благородная шпинель в Шугнанае.

Само по себе наличие природных богатств и их использование в производстве не могли развиваться без соответствующих торговых отношений. Хотя торговые сношения между владениями Памира и Бадахшана в основном сохраняли свой меновой характер, но непосредственная причастность к Великому Шёлковому пути свидетельствует о заметной важности места региона в международных торговых связях.

Следует отметить, что в период правления Саманидов и после него экономический потенциал Памира значительно возрос в связи с открытием серебряных рудников в Базар-Даре. Эта ранее неизвестная местность на Восточном Памире, которая обрела известность в начале X века, стала известна своей добычей серебра по всей Средней Азии и за её пределами¹.

Вышеприведённые факты однозначно свидетельствуют о том, что территориальное пространство государства Саманидов охватывало Памир и Бадахшан. Восточные границы этого могущественного таджикского государства протянулись до границы Тибета. Но в силу упомянутых выше объективных причин владения Памира и Бадахшана не были полностью подчинены центральной власти. Местные владельцы сохранили значительную степень административного контроля. Другими словами, их зависимость от центра была скорее номинальной.

Второй раздел данной главы «**Политическая обстановка на Памире и Бадахшане в XI – начале XIII вв.**», посвящается историографическому анализу политического положения Памира и Бадахшана после распада государства Саманидов.

Следует отметить, что имеющиеся источники, относящиеся к этому периоду, не дают чёткой, недвусмысленной информации о политической ситуации на Памире и в Бадахшане, но тщательный сопоставительный их анализ позволяет в известной степени прояснить общее положение владений этого горного края в постсаманидском пространстве.

Одним из важных источников этого времени является книга «Та'рихи Байхаки» (или «Та'рихи Мас'уди»). Несмотря на отсутствие в этом сочинении подробных сведений о завоевании Бадахшана и Памира Газневидами, но их подчинение этой династии упоминается неоднократно². Но это не может служить примером, свидетельствующим о зависимости всех владений Памира от Газневидов. По всей вероятности, даже признание

---

¹ См.: Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993. – С. 36-39.

² Хоча Абдуфазл Мухаммад ибни Хусайни Байхақӣ. Таърихи Байхақӣ – Душанбе: Бухоро, 2014. – С. 298-299.

зависимости не смогло нарушить традиционное административное управление местных правителей. Что касается Бадахшана, то исследователи, основываясь на имеющихся источниках, единодушны во мнении о том, что он был завоёван Газневидами.

После падения государства Саманидов, согласно однозначному мнению исследователей в истории таджикского народа особая роль принадлежит государству Гуридов (1149-1215 гг.), в состав которого входили владения Памира и Бадахшана¹.

Среди источников, содержащих важные сведения о государстве Гуридов особо выделяется книга Мухаммада Сираджуддина Джузджони (род. в 1193) «Табакоти Носири» («Насыровы разряды»), в которой речь идёт о завоевании соседних и дальних государств Тохаристана и вхождении Памира в состав этого довольно обширного таджикского государства².

Что же касается связи Памира и Бадахшана с государством Хорезмшахов, то об этом имеются лишь эпизодические упоминания. Тщательное сопоставление аргументов источников и выводов ряда авторитетных исследователей приводят к убеждению, что Памир и Бадахшан не могли остаться в стороне от завоевательных действий Хорезмшахов. Тем не менее, вероятность прямого военного вторжения и занятия Мухаммадом Хорезмшахом Вахана, Ишкашима, Шугнана, Бадахшана и других территорий Памира, связи с отдалённостью и труднодоступностью горного региона, остаётся сомнительной. Но угроза нападения вынуждала местных правителей признать свою зависимость от центральной власти хорезмшахов, отправляя посольства и делая дорогие подарки, в известной мере сохраняли свой административный суверенитет. Другими словами, их зависимость была лишь номинальной.

Однако это не означает, что традиционный уклад жизни этих владений остался нетронутым. Сам факт серьёзного нарушения торговых отношений с соседними владениями или более крупными государствами свидетельствует о существенном ухудшении социально-экономической ситуации в этом горном регионе.

Третий раздел **«Памир и Бадахшан в период владычества монголов в Средней Азии (начала XIII – первой половине XIV вв.)»**, посвящён историографическому анализу положения Памира и Бадахшана в один из самых драматических периодов истории таджикского народа, связанный с завоеванием и владычеством монголов в центральноазиатском пространстве. Этот трагический период естественно не мог оставаться без внимания всех

---

¹ См.: История таджикского народа. – Том III. – XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. – С. 89.; Более подробно см.: Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Мурағиб ва муҳаққиқ Нурмухаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – С. 435-439.

² Давлатдории тоҷикон дар асрҳои XI-XIV. Пораҳо аз «Равзату-с-сафо» ва дигар кутуб. Мурағиб ва муҳаққиқ Нурмухаммади Амиршоҳӣ. – Душанбе: Амри илм, 1999. – С. 491-492, 499-502.

средневековых хронистов и историков-востоковедов последующих поколений.

Анализу сведений, имеющихся в сочинениях современников и последующих поколений средневековых историков о завоевательных действиях Чингиз-хана, его преемников в Средней Азии и за её пределами посвящено достаточно страниц в диссертации. Уместно лишь отметить, что несмотря на компилятивный характер некоторых из них, широко использованы несколькими поколениями исследователей-востоковедов, в той или иной мере причастные к изучению средневековой истории Центральной Азии эпохи монгольского владычества.

Памир, вернее часть его – Сарыкуль – накануне военных действий между Чингисханом и Хорезмшах Мухаммадом упоминается в некоторых источниках. Это связано с преследованием главы племени наймана Кучлука, который, спасаясь бегством в Семиречье, на развалинах кара-китайской державы от Семиречья до Кашгара, основал своё государство. Войска Чингисхана во главе с Джэбэ в 1218 г., согласно сведениям, Рашид ад-Дина, настигли Кучлука и казнили его в Сарикуле. Но это не может быть прямым доказательством занятия этой части Памира монголами.

Но, имеющиеся сведения в сочинениях средневековых авторов, утверждают обратное. Например, Джувайни в «Истории завоевания мира», Рашид-ад-Дин (1247-1318), в «Джами` ат-таворих» («Собрания летописей»), Мунши в «Мукимханской истории» пишут о кровавых боях, которые совершили чингизиды в Бадахшане. Это подтверждается и в работах таджикского историка Г. Гоибова «История Хатлона от начала до сегодня» и афганского ученого С. Муроди «Бадахшан в зеркале истории».

Таким образом, имеющиеся сведения в источниках и заключения ряда современных исследователей данной эпохи приводят к заключению о том, что в XIII– середины XIV вв. большая часть Бадахшана, оказавшаяся под властью монголов, испытала все кровавые драматические невзгоды, которые по воле исторической реалии той эпохи выпала на долю всех таджиков Мавераннахра и Хорасана. Даже те владения Западного Памира, которые остались в стороне от завоевательных действий монголов, не смогли избежать этих тяжелых испытаний.

Несмотря на драматизм политической ситуации, на протяжении всего полуторавекового существования власти монголов в Средней Азии, власть в Бадахшане, судя, по имеющимся сведениям, неоднократно переходила в руки представителей местных династических управлений. Например, по наблюдениям Марко Полов 70-х годах XIII в., власть в Бадахшане находилась в руках местных правителей.¹

Что касается политической обстановки на Западном Памире, то нет прямых показателей распространения власти монголов в этой части Памира.

---

¹ Минаев И.П. Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО, под ред. В.В.Бартольда. – СПб., 1902. – С. 63-64.

Однако нельзя исключать, что местные правители Дарваза, Ванча, Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана, опасаясь возможного нападения монголов после взятия ими Бадахшана, признавали их политическое влияние и даже формальную зависимость.

Анализ имеющихся сведений приводит к заключению о том, что Бадахшан не избежал нашествия монгольских войск и пережил все трагические события, связанные с жестокими действиями этих иноземных захватчиков. Что касается Западного Памира, то хотя он и не подвергался прямым нападениям, но всё же ощутил на себе сильное влияние монгольских нашествий на соседние страны и независимые владения. Имеющиеся источники дают основания для предположения о том, что степень зависимости местных владетелей от власти монголов была не более чем номинальной. Это давало им возможность сохранить сложившиеся веками свои традиции административного управления.

Четвёртый раздел – «Степень освещения истории Памира и Бадахшана во второй половине XIV–XV вв.», посвящена историографическому анализу степени причастности Памира и Бадахшана к державным владениям Тимура и тимуридов.

Кровавые захватнические деяния Тимура, несмотря на панегирический характер их основной части и порой противоречивости оценки его личности, отражены в многочисленных сочинениях современников, которые являлись непосредственными исполнителями его воли при написании хроники его действия и деятельности последующих представителей династии тимуридов. Эту традицию продолжали и последующие поколения средневековых историков, сведения о которых приводятся в диссертации.

В целом, история эпохи Тимура и тимуридов, всегда находилась в поле интересов средневековых арабо-персидских (таджикских) историков, западноевропейских, русских и советских востоковедов. Данная традиция довольно выпукло прослеживается также в трудах современных исследователей средневекового периода.

Разумеется, события, связанные с периодом управления Тимура и тимуридов обширными территориями Мавераннахра, Хорасана и далеко за их пределами, не могли оставить в стороне владения Памира и Бадахшана. Степень втягивания в водоворот событий этого периода указанного горного пространства довольно подробно освещена в сочинениях современников и более поздних поколений средневековых историков, а также основанные на исследованиях востоковедов мирового масштаба.

Как известно, ещё в ходе борьбы Хусейна и Тимура за власть совершили совместный поход в Гиссар, его правитель Баён Сулдуз спасся бегством в Бадахшан. Преследуя его, они приближались к Бадахшану. Шах Бахоуддин без сопротивления покинул Бадахшан, и он оказался под властью эмира Хусейна. Но, не желая подчиниться ему, местное население продолжало борьбу за восстановление власти прежних представителей династии местных

шахов. В 1367/68 г. вспыхнуло восстание, охватившее весь Бадахшан. Для его подавления эмир Хусейн и Тимур снова совершили поход в Бадахшан. После нанесения отступившему шаху Алию Бадахшани поражения, Тимур, дал распоряжение о захвате всей области.

О том, что Бадахшан находился в подчинении эмира Тимура и его преемников, можно судить по сведениям, имеющимся в «Зафар-наме» («Книге побед») Низомиддина Шоми и под таким же названием сочинения «Зафар-наме» Шарафуддина Алию Язди, «Бабур-наме» («Записки Бабура»), Захуриддина Бабура и др. Эти факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что накануне завоевание Средней Азии Шейбанидами и в ходе его, Бадахшан продолжал находиться под властью Тимуридов, но согласно содержанию источников, она фактически не выходила за рамки условности или номинальной зависимости.

После окончательного поражения от Шейбанидов, Бадахшан как бы ещё долго оставался надёжным форпостом Тимуридов в их борьбе против Шейбанидов. Благодаря такому стечению обстоятельств, последнему тимуриду, борющемуся за сохранение династической власти – Захуриддину Бабуру, после поражения от Шейбанидов, удалось сохранить своё верховенство в Бадахшане, и затем ему суждено было утвердить власть Тимуридов под названием «Великие моголы» в Индии.

В дальнейшем, по мере ослабления управленческого могущества Тимуридов, вытеснения их даштикипчакскими кочевыми племенами во главе с Шейбаниханом и его преемников, продолжалась борьба последнего представителя Тимуридов Бабура Мирза и его наследниками за удержание своей политико-административной позиции в Бадахшане и других владений Памира. Но это не могло ослабить завоевательное стремление Шейбанидов в отношении Памира и Бадахшана.

Четвёртая глава диссертации **«Историография истории позднесредневекового Памира и Бадахшана (XVI – середины XIX вв.)»**, посвящена историографическому анализу имеющихся сочинений и исследований, касающихся политической и социально-экономической истории края позднесредневекового периода.

В первом разделе **«Памир и Бадахшан в контексте политической истории Средней Азии XVI-XVII вв.»**, анализируется степень научного освещения вопроса во взаимосвязи с политической историей региона, в хронологических рамках данного периода.

В начале XVI в. установилась династия Шейбанидов в Мавераннахре. К этому же времени утвердили своё влияние в Хорасане представители сефевидов. В водоворот эти событий были втянуты владения Западного Памира и Бадахшана, которые стали яблоком раздора между правителями династии Тимуридов, Шейбанидов и отчасти Сефевидов.

Касательно историографии Памира и Бадахшана XVI в., в особенности периода противоборства последних представителей Тимуридов и

утверждения в Средней Азии власти Шейбанидов, следует отметить о наличии ценных сведений в сочинениях таджикско-персидских, тюркских историков и географов того периода, независимо от их панегирического характера. Их содержания лежат в основе заключения региональных, русских и европейских исследователей данного периода.

В этом плане интерес представляют сочинения Камал ад-Дина Бинаи (1453-1512) «Шейбани-наме» («Книга о Шейбани»), «Футохоти хони» («Ханские завоевания») и «Шайбани-наме» хрониста этого времени Мухаммада Салиха. Под таким же названием – «Шейбани-наме» имеется сочинение другого хрониста этого времени Мухаммада Салиха. В указанных сочинениях в хронологическом плане изложены события, связанные с возвышением и завоевательными действиями Шейбани-хана, в которых имеются лишь отрывочные сведения о Памире и Бадахшане. Эпизодические сведения о Бадахшане приводятся также в сочинение бухарского историка и поэта XVI в. Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи-шахи» написанное между 1584-1590 гг.

В отличие от вышеперечисленных источников, события, в той или иной мере относящиеся к данному горному региону, более подробно изложены в вышеупомянутом сочинении «Бабур-наме». В нём, в частности, указано на героическую борьбу бадахшанцев против чужеродных захватчиков. Излагая события 910 г. х. (1504-1505), автор пишет, что «Шейбани хан отдал Кундуз Камбарбию, а сам ушёл в Хорезм. Камбарбий, желая склонить к себе жителей Бадахшана, послал в Бадахшан сына Мухаммед Махдуми по имени Махмуд. Муборак шах, предки которого принадлежали к числу беков бадахшанских шахов, поднял голову, обезглавил Махдуми и ещё нескольких узбеков и укрепил крепость Зафар. Раньше она называлась Шаф-Тивар, но он дал этой крепости наименование Зафар», что означает «Крепость Победы»¹. Это свидетельствует о неудачной попытке Шейбани хана занять Бадахшан.

Чтобы укрепить свою власть, предводители сопротивления Муборак-шах и Зубайр Роги обратились к младшему брату Бабура Насиру Мирзе. Последний был провозглашён правителем Бадахшана. Шейбани хан, в 1507 г. заново организовал военный поход четырёхтысячного отряда в Бадахшан, но Насир Мирза нанёс ему полное поражение². Уместно отметить, что в силу своенравного характера, Насир Мирза долго не мог продержаться у власти. Потерпев поражение в военном столкновении с местными беками, он спасся бегством в Кабул.

Тем временем желанием занять Бадахшанский престол у ряда представителей Тимуридов не утихало. С 1508 по 1520 г. владельцем Бадахшана являлся другой брат Бабура – Султан Вайс (он же Хан мирза и Мирза хан). После его смерти Бабур владельцем Бадахшана назначил своего

---

¹Бабурнаме. – С. 179.

²Бабур-наме. – С. 216.

старшего сына Наср-ад-Дина Мухаммада Хумайюна, занимавшего престол до 1556 г.

Чрезмерная активность Шейбанидов в отношении Бадахшана наблюдается в годы правления Абдуллах-хана II (1557-1598), которому удалось окончательно присоединить к своим владениям Бадахшан. Таким образом, согласно имеющимся сведениям, начало утверждения власти узбеков в Бадахшане и Хатлоне положено в 1584 г. Город Балх, откуда они управляли, считался главным административным центром.

После смерти Абдуллах хана II, в 1598 г. борьба многочисленных представителей из династии Шейбанидов за власть обострилась. Троном в Балхе овладел сын Абдуллах-хана - Абдулмумин. Но через 6 месяцев в результате заговора был убит. Власть в Бухаре сосредоточил в своих руках двоюродный брат Абдуллах-хана II Пирмухаммад-хан II, так же погибший в этом раздоре. Этим и закончилось господство Шейбанидов в Бадахшане.

Тем временем в Мавераннахре утвердилась власть другой династии – «Джанидов» или «Аштарханидов». В эти династические перемены в той или иной мере были втянуты Памир и Бадахшан. В 1602 г. Балх и Бадахшан оказались под властью Аштарханида Вали Мухаммада, который после смерти брата Баки Мухаммада в 1606-07 г. был возведен на бухарский трон. Это стало поводом к тому, что население Бадахшана, Кундуза, Куляба и Гиссара восстало против аштарханидов. Повстанцы требовали, чтобы правителем вышеназванных областей стал представитель шейбанидов Абдулла султан. Вали Мухаммад, мобилизовав отряды своих приближенных, братьев Имомкули и Надирмухаммада, подавил восстание. После этой победы, назначил Надирмухаммада правителем Балха и Бадахшана.

О полном подчинении Бадахшана аштарханидам, свидетельствует сохранившийся ярлык бухарского хана Надир-Мухаммада к русскому царю Михаилу Фёдоровичу в 1643, где Бадахшан указывается в качестве его владения.

Следует отметить, что намерения тимуридов вернуть себе бадахшанский трон, и в дальнейшем не ослабевали. К примеру, бежавший в Индию сын Шахруха Бадеуззаман, намеревался очистить Бадахшан от аштарханидов и вернуть себе трон, якобы принадлежавший тимуридам. Но его усилия кончились безрезультатно.

По мере сосредоточения в руках племенных вождей обширных владений набирают темп и центробежные силы. Воспользовавшись ослаблением центральной власти Бадахшан фактически стал независимым, им правил один из представителей местной династии Яр-бек.

При Абул-Файз-хане (1711-1747 гг.) центральная власть аштарханидов окончательно ослабла, что в конце концов привело к распаду государства Аштарханидов. Ханство распалось на отдельные самостоятельные владения, управление страной переходило в руки одного из вождей

мангытских племён, возвысившихся при Абул-Файз-хане до высочайшего военно-государственного чина – аталыка Мухаммад-Хакимбия.

Согласно имеющимся сведениям, еще в середине XVII в. активизировались набеги племени катагаган из Кундуза во главе с правителем Балха Махмуд-бием, являвшимся вассалом бухарского хана Субхан-кули (1680-1702) и назначенного им в звании аталыка бадахшанским наместником, за услуги в борьбе против хивинцев. Махмуд-би хотел держать в полном подчинении родовитых правителей Бадахшана, что вызывало недовольство местного населения.

Таким образом, согласно содержаниям источников и заключениям исследователей, Памир и Бадахшан XVI-XVII вв. стали яблоком раздора между династическими представителями тимуридов, шейбанидов и аштарханидов, несмотря на все трагические трудности, свободолюбивое население этого горного края отчаянно отстаивало свою независимость. Свидетельством тому является тот факт, что, несмотря на попадание в фактическую зависимость от этих им чуждых династических управлений, они стремились сохранить свои устоявшиеся традиции политико-административного управления.

Второй раздел данной главы «**Памир и Бадахшан XVIII-середины XIX веков в сочинениях местных авторов**», посвящён анализу сведений, содержащихся в сочинениях местных авторов касательно событий, происходивших за указанный период в этом горном крае.

В освещении позднесредневековой и новой истории Памира сочинение Сангмухаммада Бадахши и Фазлалибек Сурхафсара «История Бадахшана» занимает особое место. Согласно содержанию текста, первая часть основывалась на доступных первому автору источниках. Что касается второй части сочинения, то её автор Фазлалибек Сурхафсар в основном опирался на сведения, полученные из уст знатоков истории края, что и стало причиной допущения ряда неточностей в тексте.

Среди источников, содержащих сведения о более поздней истории Памира и Бадахшана, особое место занимает книга, написанная афганским чиновником Бурхан-уд-дином Кушкеки «Катаган и Бадахшан»¹. Автор, состоявший на службе у афганского шаха, в угоду ему сосредоточил внимание главным образом на географическом положении Бадахшана и афганской части Западного Памира, насильственно присоединённых к Афганистану при непосредственной помощи английских колонизаторов, и на степени их экономической полезности для этого государства. Тем не менее, следует признать имеющиеся «краткие справки по истории Бадахшана (начиная с 1068/1657-58 г.), Каттагана, Памиров и Вахана, Шугнана Дарваза

---

¹Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Перевод с персидского П.П. Введенского, Б.И. Долгополова и Е.В. Левкиевского. Под редакцией, с предисловием и примечаниям проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1926. – 348 с.

и Рустака» полезными для исследователей позднесредневековой и новой истории Памира и Бадахшана.

В этом плане следует отметить значимость рукописи «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана»), написанной в конце 30-х годов учителями из Хорога Курбаном Мухаммад-зода (охун Сулайманом) и Мухаббатом Шох-зода (Сейид-Футур-шо).

Наряду с вышеуказанными источниками, достойно упоминания и состоящее из нескольких (в пределах двух десятков) страниц сочинение местного знатока истории Саида Хайдаршоха Муборакшоха-зода «Таърихи мулки Шугнон» («История владения Шугнан») написанное по просьбе известного востоковеда А.А. Семенова в 1912 г. Учёный, проявивший большой интерес, перевёл текст рукописи на русский язык с предисловием и обширными примечаниями и издал его в Ташкенте в 1915 г. Книжка на таджикском языке издана в 1992 г.¹

Наряду с вышеприведёнными источниками следует упомянуть и о «Маснави о шугнанских шахах» Сейида Фаррух-шо. В этой небольшой по объёму (7 страниц) поэме, написанной примерно в конце XIX в., приводятся сведения о периоде правления некоторых шугнанских шахов, начиная с правления Шах-Хамуша (1066–1137гг.) его сына Шах-Худодода, до конца правления последнего шугнанского правителя Юсуф-Али-хана (1869-1883 г.).

Как явствует из хронологических рамок указанных сочинений, они охватывают события, происходившие в конце позднего средневековья и нового времени на Памире. В этом плане, несмотря на порою произвольное изложение событий, опираясь лишь на устные сообщения местных знатоков истории, они являются ценными источниками, позволяющими исследователям при сопоставительном анализе с другими доступными им материалами для освещения реальной истории Памира и Бадахшана вплоть до утверждения Советской власти в этом горном крае.

Таким образом, несмотря на отсутствие обстоятельного анализа событий, позднего средневековья, порою их фрагментарного изложения, основанного на расспросных сведениях, сочинения местных авторов для освещения истории позднесредневекового Памира и Бадахшана бесспорно являются ценными источниками. Значимость содержащегося в них материала в особенности возрастает при исследовании политической обстановки, социально-экономического состояния Памира во второй половине XIX — начале XX вв.

Третий раздел данной главы – **«Освещение политического положения Памира и Бадахшана XVIII-середина XIX вв.»**, посвящён историографическому анализу политических событий, имевших место во владениях Памира и Бадахшана до последней четверти XIX в.

---

¹Саид Хайдаршох Муборакшохзода. Таърихи мулки Шугнон. Тарчума ва тахияи Н.Чонбобоева А. Мирхоча. – Хоруғ: Помир, 1992. – 37 с.

Независимо от присущей фактически общей управленческой традиции во всех владениях Памира и Бадахшана, междоусобицы, частые нападения друг на друга, приводившие к временному изменению их границ и потери самостоятельности, продолжали быть характерными явлениями политической истории этих небольших государственных образований вплоть до конца XIX в.

В этом плане уместно отметить, что Бадахшан, согласно сведениям, приведённым в «Истории Бадахшана», как самостоятельное государственное образование со своей столицей – Файзабад, насчитывавшее 230 лет, сложился во второй половине XVII в., точнее в 1657/58 г. Основателем его был один из представителей самаркандских сейидов Ярибек-хан, правивший в течение 50 лет. Он перед смертью (умер в 1116 / 1706–1707г.) разделил Бадахшан между 8-ми сыновьям.

После его смерти (1706), правителем стал его старший сын Сулейман-шах, правивший в течение семи лет. Он был убит в результате покушения некоего яфталца Камарудина в 1713 г. За ним трон занял его брат Юсуф-Али, правивший в течение пяти лет (до 1717). Затем власть взял в свои руки его младший брат и правил Бадахшаном до 1337 г. Он также был убит в результате покушения яфталца Кази-Асад-хана.

Все это не могло не повлиять на политическое положение Бадахшана. Согласно мнению Кушкеки «в государстве поднялась большая смута и в конце концов Бадахшаном овладел Сулейман-бек. Вследствие этого постепенно власть над страной упрочилась преемственно за его потомками, пока в свою очередь, не перешла впоследствии к Мирза-и-Клян, потомку Яр-Бек-хана. Далее автор перечисляет последующих владетелей Бадахшана в той последовательности, которая изложена в «Истории Бадахшана». Вместе с тем, автор указывает на постоянные дворцовые интриги и междоусобицы.

Согласно имеющимся данным, на всё это не мог безучастно смотреть уже вполне укрепивший свою власть афганский правитель Ахмед-шах Дуррани, намереваясь подчинить Бадахшан под начальством Шах-Вали-хана послал в Бадахшан войска в 1765 и вторично в 1768/69 г. К ним присоединился кундузский правитель Кубад-хан, находившийся во враждебных отношениях с правителями Бадахшана. В результате захвата им Файзабада из 12 тысяч постоянно проживающих в городе семейств, после разорения и пленения осталось всего 4 или 5 семейств¹. Кубад-шах после этого, казнив Султан-шаха, покинул город. После этого Бадахшан более двух десятилетий оставался в состоянии политической нестабильности, находясь под влиянием и зависимостью от правителей Катагана или Кундуза, пока к власти не пришёл Мухаммад-шах.

За 30-летнее правление (1207/ 1793-93–1237/ 1821-22 гг.) Мухаммад-шаху удалось сравнительно стабилизировать положение Бадахшана. В период

---

¹ Мирзо Сангмухаммади Бадахши, Фазлалибеки Сурхафсар. Таърихи Бадахшон. – С.121.

правления его сыновей все больше назревает политическая нестабильность, она была связана с враждебными отношениями правителей Катагана. К примеру, Бадахшан потерпел поражение от владетеля Катагана Мухаммад Мурад-бека в 1956 г., а в 1869 г. он завоевал всю его территорию. Таким образом, Бадахшан до 1882 г. фактически находился под властью Катагана.

Дальнейшая судьба Бадахшана тесно переплетена с политической обстановкой, сложившейся в Афганистане, при непосредственном вмешательстве Англии до середины 70-х годов XIX в., т. е. до завоевания его Афганистаном. Что касается политического положения владений Западного Памира, то оно было тесно связано с теми событиями, которые происходили в Бадахшане.

Как явствует из содержания источников и мнения авторитетных исследователей, от политических событий, развернувшихся в Бадахшане в позднесредневековой и новой истории Бадахшана, обусловленные феодальной раздробленностью, междоусобными войнами и притязаниями со стороны более могущественных соседних государств, не могли оказаться в стороне и владения Западного Памира. В частности, согласно сведениям, имеющиеся в «История Бадахшана» и «История Шугнана» свидетельствуют о том, что правители Шугнана были вовлечены в междоусобные конфликты в первой половине XIX века за контроль над Рушаном, Ваханом, Шахдарой и Ишкашимом. Но особенно ярко этот факт проявляется во время правления Ша Вандж Хана II (1784–1800) и Кубад Хана (1820–1844). Всё это, а также множество другой информации содержится в трудах участников военно-дипломатических и научных экспедиций из России, которые в силу обстоятельств побывали в Восточной Бухаре и на Памире, став непосредственными свидетелями событий, происходивших в этом регионе в последней четверти XIX столетие.

В изучении истории Памира и Бадахшана авторы зачастую в географическом плане отделяют Дарваз и Вандж от других владений Памира и Бадахшана. Но обстоятельное знакомство с историей этого горного края приводит к убеждению о том, что как в географическом, так и в историческом отношении история Дарваза и Ванджа является неотъемлемой частью общей истории Памира и Бадахшана.

Что касается позднесредневековой и новой истории Восточного Памира, то отсутствие соответствующих письменных источников значительно затрудняет более детальное изучение его истории. Поэтому и поныне сохраняется немало разногласий в работах востоковедов, причастных к истории киргизов Памира вплоть до XVIII в. т. е. до заселения его кочевыми киргизскими племенами фактически остаётся вне поле зрения исследователей истории края.

В четвёртом разделе указанной главы – **«Социально-экономическое положение позднесредневекового Памира и Бадахшана в источниках и исторических исследованиях»** даётся обстоятельный анализ источников и

исследований, в той или иной мере причастных к административной и социально-экономической жизни самостоятельных владений Памира и Бадахшана указанного периода.

Согласно имеющимся сведениям, политическая власть и присущее феодальному периоду административное управление, фактически не претерпели изменений до последней четверти XIX в., т. е. до присоединения Памира к России. Во главе административно-иерархической системы стояли шахи, которые началом своего генеалогического происхождения считали Искандара Руми (имея в виду Александра Македонского) и имели неограниченную власть.

Что касается административной структуры управления, то согласно сведениям, имеющимся в «Истории Бадахшана», в административной иерархии имели место следующие должностные лица: кушбеги (после шаха второе лицо), диванбеги (чиновник по финансовой части), лашкар-баши (военачальник), казы (судья), саркор-баши (надсмотрщик за обработкой, посевом, сбором урожая с шахских земель), аксакал (сельский староста), арбоб (помощник аксакала) и навкары (военные отряды шаха и мира).

Как явствует из содержания источников и исследования историков края, частые опустошительные походы, стремление утвердиться в этом горном крае представителей упомянутых династий, нападения со стороны Кундуза на Бадахшан, непрекращающиеся междоусобицы, дворцовые перевороты, внутренние хозяйственные неурядицы, а также постоянная вражда между правителями владений Западного Памира, находившихся между собой в родственных отношениях, являлись причинами постоянного застоя и порою упадка социально-экономической жизни населения. Но, несмотря на это благодаря упорному труду местных жителей удавалось обеспечить производство жизненно важной продовольственной продукции, сохранить и развивать традиционное кустарное производство, необходимые торговые отношения.

Главным экономическим показателем Памира и Бадахшана в позднем средневековье, как и в прежние времена, было земледелие. Тщательный анализ материала местных сочинений и других документальных источников позволил исследователям прийти к заключению о наличии в середине XIX в. следующих категорий земельной собственности: 1) шахские (находившиеся в частной собственности духовных и светских феодалов); 2) наследственные или потомственные, находившиеся в пользовании крестьянства; 3) вакуфные земли (неотчуждаемая собственность мусульманского государства); 4) общинные земли. Также в качестве 5 категорий приводятся такие земельные пожалования как временные, дарственные и наследственные танхо (доход от воды и земли). Уместно отметить, что в рукописи сочинения «Истории Бадахшана», указывается лишь на первые две категории земельной собственности – шахские и наследственно-владельческие. Нет упоминаний о вакуфных и общинных землях.

Благодаря невероятным усилиям местного населения, несмотря на ограниченность земли, пригодной для посева, алчность местных феодалов и представителей административно-религиозных кругов, присваивавших в виде налогов большую часть выращенного урожая, оставшаяся часть, с большой натяжкой удовлетворяла минимальную продовольственную потребность трудового населения.

Следует отметить, что в условиях горного климата и нехватки земли для посева, строительство каналов для орошения земли требовало от местных жителей невероятного труда для сносного обеспечения продовольственных ресурсов. В сочинениях и других письменных источниках имеется немало сведений о строительстве оросительной системы.

Известно, что в социально-экономической жизни любого народа до индустриального периода, особую роль играет ремесленное производство. В этом плане владения Памира и Бадахшана не могли быть исключением. В упомянутых сочинениях: «Истории Бадахшана», «История Шугнана», а также «Каттаган и Бадахшан», приведены сравнительно обстоятельные сведения об этом важном в жизни местного населения занятии.

Разумеется, ремесленные изделия, изготавливаемые мастерами центров владения Памира и Бадахшана в позднем средневековье, не могли занять особо заметное место в региональной торговле. Географическая изолированность, незначительный спрос на изготавливаемые местными мастерами изделия, являлись главной причиной застойного характера ремесленного производства. Но это вовсе не означает их отсутствия в торговых связях. Файзабад славился как одним из крупных торговых центров Бадахшана. Согласно сведениям Кушкеки, в этом городе было много купцов и ремесленников. Сюда привозили товары из Пешавара, Читрала, Яркенда и Кашгара. На Файзабадском базаре насчитывалось до 300 торговых лавок.

По сравнению с крайне скудным освещением особенностей земельных отношений, формы земельной собственности, ремесленного производства и торговых отношений в сочинениях местных авторов, в частности, в «Истории Бадахшана» более подробно характеризуются система налогообложения и трудовые повинности. В местных источниках, хотя и указывается на основные виды налогов (андоз), взимаемых с населения в виде харадж, ушр, бор, тухмбар и других, а также выполняемые повинности, но в силу своей ограниченности в научном освещении особенности патриархально-феодалных экономических отношений, их авторы не могли определить ясной классификационной особенности налогов, поборов и повинностей.

Одним из самых вопиющих явлений в налоговой системе Памира (за исключением Дарваза и Ванджа, находившихся под властью Бухарского эмирата) была передача подростков за налоговые долги или в качестве приношения и превращения их в рабов. Этот позорный средневековый институт, якобы соответствующий шариату для суннитской ветви ислама по

отношению к последователям шиитского направления, продолжался вплоть до присоединения Памира к России.

Судя по содержанию «Истории Бадахшана», продажа людей в рабство считалось обычным явлением. Авторы данного сочинения приводят примеры о том, как шугнанский правитель Абдуррахим-хан ежегодно насильно брал с Рушана, Хуфа, Баджува, Бартанга и Шугнана мальчиков и девочек для продажи их в Бадахшан, Яркенд и Кашгар. На вырученные от их продажи средства, покупали дорогостоящих лошадей, ткани для халатов, сапоги, чай и другие товары¹. Особое развитие продажи невольников и невольниц получило в годы оккупации владения Западного Памира афганцами 1883-1885 гг.

Пятая глава диссертационного исследования – **«Историография Памира и Бадахшана конца XIX– начало XX вв.»**, посвящена историографическому анализу широкого круга вопросов, касающихся проблем англо-русского противостояния, процесса и итогов присоединения Памира к России, особенностей административного управления, преобразовательных процессов в социально-экономической и культурной жизни Памира после его присоединения к России.

В первом разделе **«Исследователи о геополитических интересах Англии и России на Памире»**, даётся обширный анализ причин геополитических интересов двух империи, их противостояния в русской и западноевропейской историографии.

Судя по имеющимся в работах европейских и русских исследователей сведениям, интересы правящих кругов Англии и России расширение своих колониальных владений за счёт Средней Азии берёт начало далеко до присоединения края к России. В этом плане Памир и Бадахшан с выгодным для них стратегическом положении не могли остаться в стороне. Англия, превратившая Индию в свою колонию, стремилась втянуть в свою обширную колониальную орбиту Афганистан, а затем и Среднюю Азию. Это и стало побудительным мотивом как можно больше собирать сведения о географическом, политическом и социально-экономическом положении региона. Намерение через Памир проникнуть вглубь Средней Азии, давала возможность англичанам фактически до середины XIX века, сохранить своё ведущее место в исследованиях Памира и Бадахшана.

Исходя из этого, Россия не могла оставаться в стороне, когда Англия активно действовала в стратегически важном районе Южной Средней Азии, каким являлся Памир. С 60-х годов XIX века ведущую роль в комплексном изучении Памира стали играть русские исследователи, в основном путешественники и представители военных и дипломатических кругов.

Соперничество этих двух империй в Средней Азии в целом, и за овладением Памира в частности, занимало важное место в русской

---

¹Курбон Мухаммад-зода, Мухаббат Шох-зода. История Бадахшана. – С. 94-96.

дореволюционной историографии. В этом плане особую ценность проявляли М. Венюков, М.А. Терентьев, Баторский, Б.Л. Громбчевский, Серебrenников, Ф.И. Лобысевич, В.Н. Зайцев, П.А. Риттих, А.Е. Снесарев, И. Минаев М. Грулев, А.К. Разгонов, Б.Л. Тагеев (Рустам-бек), Муханов, В.В. Бартольд и др. Как явствует из содержания их работ, Средняя Азия в поле интересов России и Великобритании находилась с середины XVI в. Но, их более явное противостояние в этом регионе берёт начало с XVIII в.

Эта борьба набирала особый оборот по мере полного утверждения колониальной зависимости Индии от Англии и присоединения Средней Азии к России. В этом контексте Памир считался одним из важных ключевых объектов их геополитического противостояния. По мере приближения России к Памиру в британских правительственных и военно-дипломатических кругах нарастала паника относительно вероятности организации военного похода с целью завоевания Индии, главный маршрут которого пролегал через Памир в северные районы этой главной колонии Англии.

В совокупности в имеющихся работах русских очевидцев событий, связанных с русско-английским противостоянием на Памире, если не считать отдельной предвзятости, присущей колониальным амбициям, которые в конечном итоге привели к искусственному разделению таджиков верховья Пянджа, в целом, детально освещены события, связанные со сравнительно удачной борьбой России против английских происков на Памире.

Вопросы, связанные с англо-русским соперничеством в Средней Азии в той или иной мере присутствуют почти во всех западноевропейских исследованиях, имеющих отношение к истории Среднеазиатских ханств XIX в. Но для определения соперничества Англии и России на Памире в силу прямого соучастия особую значимость имеют работы английских исследователей. Сам факт описания ими важнейших путей через Памир и для того периода подробное освещение географического, политического и экономического положения ханств Средней Азии, отвечали ее стратегическим планам. Уместно отметить, что Вуду впервые из англичан удалось посетить верховья Амударьи.

Из английских исследователей, причастных к вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии, в частности на Памире, особое место занимал государственный деятель, востоковед и географ Генри Роулинсон (1810-1895). Среди его наследия в этом плане особо выделяется работа «Англия и Россия на Востоке», в которой он неустанно твердил мысль о расширении британских владений на севере Индии, дабы опередить Россию в её стремлении к завоеванию Центральной Азии.

Явное намерение оправдать военно-политические стремления Англии, идущие вразрез с интересами России на Памире, прослеживается в работах Генри Юля, капитана Троттера, Дугласа Форсайта, Джона Летльделя, Дельмара Моргана, Янгхазбенда, Чельнсфорда, Лепеля Грифина, Георга

Кюрзона и др. Данный вопрос продолжает вызывать интерес и у современных английских исследователей. В этом плане, среди работ, посвящённых анализу противостояния России и Англии на Памире, особое место занимает книга Питера Хопкирка «Большая игра против России». Она охватывает двухвековое противостояние (от Петра I до Николая II) Англии и России в Центральной Азии.

Как видно из содержания работ английских авторов, многие из них придерживались мнения, что, с одной стороны, Англия имеет мнимое военное превосходство, а с другой стороны, чувствуя превосходство наступательного потенциала русской армии, рекомендовали поискать мирные методы, чтобы удержать Россию от наступательных действий против Англии на Индийском театре военных действий.

Таким образом, англо-русское противостояние в Средней Азии, в том числе на Памире, в европейской, главным образом английской историографии XVIII– начала XX вв., занимало особое место. Сравнительный анализ содержания английской историографии, связанной с изучением данной проблемы, приводит к выводу о том, что она охватывают следующие периоды:

1. истоки это противостояния, берут начала намного раньше, в XVI-XVII вв., но их признаки более заметно наблюдались по мере утверждения колониальной власти Англии в Индии, и более оживлённого развития торгово-посольских связей России с ханствами Средней Азии в XVIII в.;

2. первая половина XIX в. – обострение отношений между Великобританией и Россией. Подготовки проектов о совместных русско-французских военных походах на Индию, интенсивное картографическое изучение северных приграничных районов Индии и Памира;

3. 60 – 80-е годы XIX в., в ходе событий, связанных с присоединением Средней Азии к России, перерастания англо-русского противостояния в открытую конфронтацию;

4. конец 80 – 90-е годы XIX в. – особое место в военно-дипломатическом противостоянии Англии и России занимал Памир.

Хотя Англия ясно ощущала свою уязвимость в случае нападения на Индию, тем не менее, судя по содержанию работ представителей её историографических кругов, всячески стремилась показать свою военную мощь, готовность дать сокрушительный отпор российской армии в случае её вторжения в Индию.

По стечению обстоятельств конфронтационное противостояние и порою стычки отдельных русских, английских, китайских и афганских отрядов на Памире не разрослось до более крупного вооружённого конфликта, благодаря мужественному отпору со стороны русских рекогносцировочных отрядов и борьбе местного населения против ненавистных афганских оккупантов, опиравшихся на непосредственную военную помощь англичан.

Второй раздел пятой главы «Исследование истории присоединения Памира к России», посвящается анализу источников и исследований, касающихся истории присоединения Памира к России. В этом плане особое внимание сосредоточено освещению основных положений Российско-Британского соглашения 1873-1873 гг., захватнических действий афганцев на Памире и суть русско-английского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.

Обширен круг работ, в той или иной мере причастных к анализу процесса присоединения Памира к России. Этот вопрос привлекал интерес как дореволюционных, так и советских исследователей. В своей совокупности они довольно ясно освещают усиление продолжавшегося англо-русского противостояния в условиях успешных военных действий России в Средней Азии. Её приближение к северным границам Индии всё больше беспокоило Англию. В сложившейся ситуации, она лихорадочно искала пути налаживания мирных взаимоотношений с Россией. Англия хотела, если не остановить завоевательные планы России, то хотя бы повлиять на её продвижение в Средней Азии таким образом, чтобы это было безопасно для Индии.

Вопрос о необходимости мирного решения пограничных вопросов между двумя империями был поднят 1 августа 1869 г. при встрече российского канцлера князя А.М. Горчакова с представителем Англии Дугласом Форсайтом в Баден – Бадене. Данная встреча положила начало необходимости уточнение границы на Памире с учётом интересов России и Англии. Подготовительная процедура окончательного определения текста соглашения по данному вопросу проходила два этапа: первый этап – 1869-1871 гг. и второй, по результатам достижение условия соглашения – октябрь 1872 г.- январь 1873 г.

Из содержания текста явствует, что соглашение 1872-1873 гг., переговоры о котором длились с 1869 по 1873 г., по сути, показало колониальные намерения обеих империй. Оно было заведомо беспочвенным и не могло остановить противоборство русских и британских властей на Памире¹.

Процесс русско-английских переговоров 1869-1873 гг. в той или иной мере нашёл своё отражение в работах русских дореволюционных авторов М.И. Венюкова, Д.Д. Семенова, С. Уманьца, В. Острогова, Б.Л. Тагеева, М.Н. Каткова, М. Грулева, Ю.Д. Головиной, И. Слуцкого и др. Но, они, по сути, ограничились приведением общего содержания переговоров и отметили их важности в связи со сложившейся в то время реалии русско-английских интересов на Памире. В этом плане особая заслуга принадлежит советским и современным исследователям Н.А. Халфину, Б.И. Искандарову, А.В. Постникову, О. Бокиеву, Х. Пирумшоеву, М. Пирумшоеву и др.

---

¹ Полные тексты переговоров между Россией и Великобританией о «буферном поясе» в Средней Азии. Октябрь 1872- январь-1873 см.: Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. – М.: Гос. изд. полит. Лит., 1952. – С. 111-123. .

Совокупность мнений вышеупомянутых русских, советских и современных исследователей сводится к тому, что, несмотря на некоторые дипломатические промахи России, всё же соглашение 1872-1873 гг. способствовало наступательным действиям России в Средней Азии. Но в виду недостаточной территориальной осведомлённости, трудности финансовых расходов, а также в связи с русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) на несколько лет задержали процесс укрепления границы России на Памире. Это привело к тому, что в 1883 при прямом содействии Англии эмир Афганистана Абдурахман-хан захватил шахства Шугнан, Рушан и Вахан.

События, связанные с захватническими действиями афганцев во владениях (шахствах) Западного Памира и борьба местного населения против захватчиков довольно обстоятельно освещены в сочинениях вышеупомянутых местных авторов. Несмотря на их описательный характер, все же достоверность их сведений, касающихся политической ситуации на Памире в конце XIX- начале XX не вызывает сомнения.

Политическая обстановка в памирских владениях в 80-х — первой половине 90-х годов XIX века, а также события, связанные с афганской оккупацией, подробно освещены в трудах русских дипломатов и военных. Они мужественно защищали местное население, рискуя собой, и оберегали его от зверств оккупантов. В этом плане особую ценность представляют работы А.Э. Регеля, Д.В. Путяты, Д.Л. Иванова, С.Н. Южакова, Б.Л. Громбчевского, А.Г. Серебренникова, Тагеева (Рустам-бек), Б.В. Станкевича и др.

Англия, наблюдавшая за постепенным перевесом сил в пользу России, вынуждена была в спешном порядке пойти на переговоры с Россией для решения «Памирского вопроса», затянувшегося почти на 4 года. После обмена нотами 11 марта 1895 г. в Лондоне, было определено, что границей между русскими и афганскими владениями должна служить река Пяндж.

Несмотря на отдельные промахи военно-дипломатических кругов царской России в решение «Памирского вопроса», всё же присоединение этого древнего горного обиталища предков и последующих поколений таджиков к России имело судьбоносное историческое значение. Оно и определяет место данной проблемы в дореволюционной русской, западноевропейской, советской и современной отечественной историографии.

История памирского разграничения 1895 г. и определения особого статуса его административного управления, находит подробное освещение в официальных документах. Но, главным источником всё же является сам текст Договора 1895 г.

Проблемы, связанные с событиями связанные с периодом завершения подготовительного этапа и ход переговорного процесса до заключения договора о Памирском разграничений, наиболее заметно присутствуют в работах С.Н. Южакова, Б.Л. Громбчевского, С. Уманца, В. Баньковского,

Ванновского, В. Острогова, Б.Л. Тагеева, А.Г. Серебренникова, М. Герцулина, Зайченко, В.Н. Зайцева и др.

Вопросы, связанные с заключением соглашения о англо-русском разграничении на Памире в 1895 г. занимают особое место в российской историографии 90-х годов XIX– начала XX вв. Помимо официальных сведений, содержащихся в отчётах, докладных записках, текстах нот, рапортах сведущих лиц, этот важный военно-дипломатический акт стал объектом пристального внимания русских дореволюционных авторов, так или иначе связанные с этим процессом. Он нашёл своё освещение в работах А.Г. Серебренникова, Б.Л. Тагеева, М. Грулева, Зайченко, Б.Н. Литвинова, А.А. Бобринского Н.А. Бендерского, М.А. Терентьева, А.А. Семенова и др.

Общее содержание их работ сводится к трудностям, исходящих из множества противоречивых суждений касательно защиты геополитических и военно-стратегических интересов Англии и России на Памире. Причём, это противостояние разрасталось до опасной конфронтационной черты. В данной ситуации Англия для практического осуществления своего влияния, всячески стремилась втянуть Афганистан и Китай.

В этом плане надо отдать должное вышеуказанным русским авторам, которые независимо от колониальных интересов Российского царизма, довольно объективно анализируя ситуацию, с большой симпатией относились к местным таджикам. Русские пытались помочь местному населению в борьбе с афганской оккупацией Западного Памира и китайскими агрессивными амбициями на востоке региона. Благодаря этому они завоевали уважение местных жителей и усилили их желание добровольно присоединиться к России.

Так как одной из важных определяющих сторон игроков схватки на «Крыше Мира» была Англия, нельзя представлять данный вопрос вне историографии Англии и ряда других западноевропейских государств. Проблемы, связанные с процессом подготовительного этапа и самой процедуры памирского разграничения, занимают важное место в официальных донесениях и работах представителей английских военно-дипломатических кругов Стюарта Бейли, лорда Керзона, английского посла в России Р. Мориера, Чарльза Макгрегора, посла Британии в Пекине Джона Уолшема, исследователя Дж. Олдера, географа и разведчика Фрэнсиса Янгхасбэнда, лорда Данмора, Делмара Моргана, майора Е.Г. Бэрроу, генерала М. Дж. Герерда и др. В этом плане следует особо отметить доклад шведского путешественника Гедина Свена в Парижском географическом обществе и его книгу «В сердце Азии», а так же книга немецкого исследователя М. Варгенберга «Россия в Средней Азии».

Ключевые вопросы, определяющие содержание работ английских авторов, в своей совокупности являются показателями амбициозно-колониального высокомерия британского правительства, пытавшегося «обосновать» своё право на всё соседнее пространство её главной колонии –

Индии, куда входил и Памир. Уместно отметить, что документальное и исследовательское наследие английских авторов, причастных к процессу подготовки заключения соглашения памирского разграничения в сопоставительном плане со сведениями, содержащимися в российских официальных источниках, довольно обстоятельно и объективно анализировано А.В. Постниковым¹, что свидетельствует о заметной заслуге учёного в исследовании данной проблемы.

Проблемы, связанные с памирским разграничением и присоединением части этого горного края к России крайне скудно освещены в сочинениях местных авторов. На наш взгляд, причиной чрезмерно лаконичных сведений местных авторов является ограниченность их информационного поля, и в целом, неподготовленность к научному восприятию политических реалий, присущих Памиру и Бадахшану того периода.

Ценность наследия вышеприведённых русских, европейских и местных авторов о памирском разграничении состоит в том, что содержащиеся в их работах, а также сохранившихся в официальных документальных источниках сведений, открыли широкий простор для исследователей истории Памира конца XX-начала XXI вв. в целом и проблемы, связанные с Памирским разграничением 1895 г. в частности. Это довольно убедительно прослеживается в книгах Б. Искандарова, А.В. Постникова, О. Бокиева, Х. Пирумшоева и др.

Таким образом, после долгих и упорных политико-дипломатических переговоров, порою доходивших до откровенной конфронтации, в 1895 г. удалось официально определить сферы влияния двух империй на Памире.

Кроме сохранения многочисленных официальных источников, это ярко заметное событие в Центральной Азии занимало и поныне занимает особое место в региональной, российской и западноевропейской историографии. При этом, сведущие читатели, не могут не заметить на сей счёт противоречивых суждений. Зачастую как английские, так и русские авторы, являвшиеся современниками данного процесса и позже, в зависимости их причастности к государственной службе (чиновники, представители военно-дипломатических кругов) при анализе проблемы, исходили из требований официальных государственных геополитических интересов. Такой подход в особенности явно прослеживается в английской историографии данного вопроса. В этом плане английские авторы, с присущим им традиционным высокомерием, почти всегда исходили из защиты колониальных интересов Великобритании.

Разноречивые суждения заметны и в работах русских дореволюционных авторов. Если представители военно-дипломатических кругов итоги памирского разграничения считали единственно верным решением и победой русской дипломатии, то учёные – востоковеды, достаточно хорошо

---

¹ Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира». – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 283-420.

разбиравшиеся в истории и культуре таджиков, с недоумением смотрели на явно несправедливом решении памирского разграничения, результатом которого стало искусственное деление исконной территории таджиков. На сей счёт имеется немало критических и осуждающих мнений русских современников событий и последующих исследователей таких как А. Арьев, В.В. Станкевич, А.А. Бобринской, Д.Н. Логофет, В.И. Масальский, В.В. Бартольд, А.А. Семенов и др. авторитетных востоковедов, которые приведены в диссертации. Суть их заключается вне справедливого решения данного вопроса в отношении владения Западного Памира. На основании этого соглашения Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан, Рошан были все разбиты пополам. Части их, расположенные на правом берегу Пянджа, отошли к России, а левобережья – к Афганистану.

Указывая на несправедливость Памирского разграничения 1895 г. известный русский этнограф А.А. Бобринской писал: «Эта новая граница, которая разрезала эти общества на две части, создала для них такое неуклюжее положение, какое получилось бы, если бы кто выдумал поделить русскую деревню вдоль по улице между двумя государствами». По его мнению, в первой половине 90-х годов позиции России на Памире были прочными, и она, бесспорно, могла победоносно отстаивать свои интересы¹.

Академик В.В. Бартольд, с сожалением указывая на итоги памирского разграничения, писал: «Памирское разграничение 1895 г. довершило процесс уничтожения политической независимости таджиков и разделения этих областей между Россией, Афганистаном и Бухарой»².

Всё это и множество других примеров из работ русских дореволюционных авторов, свидетельствует о нерешительности царских властей в полномасштабной защите своих геополитических интересов на Памире. В результате памирское разграничение привело к печальному исходу для таджиков, оказавшиеся по ту сторону реки Пянджа.

Таким образом, сравнительный историографический анализ источников и исследований, посвящённых истории присоединения Памира к России, демонстрирует большой интерес специалистов к этой теме. Несмотря на различия в подходах авторов к описанию процесса подготовки и заключения договора о разграничении Памира, обусловленные политической обстановкой или степенью приверженности принципу историзма, в совокупности их работы позволяют воссоздать объективную картину этого исторического события.

В третьем разделе данной главы **«Освещение особенностей административного устройства Памира после его присоединения к России»**, даётся сравнительно обстоятельный историографический анализ отличительных особенностей административного управления Памира после

---

¹ Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта по путевым заметкам. – М., 1908. – С. 4-6.

² Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Соч. – Т. II. – Ч. 1. – М.: Наука, 1963. – С. 467.

его присоединения к России. Они отражены в трудах русских дореволюционных авторов, непосредственно участвовавших в этом процессе или ставших его свидетелями. Однако их разбросанность, как и официальных документов, хранящихся ныне в государственных архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента, не получила обстоятельного анализа, хотя явно прослеживается информационное преимущество этих документальных источников.

Особенности административного управления Памира после его присоединения к России в той или иной степени освещены в работах представителя Памирской администрации В.Н. Зайцева «Памирская страна – центр Туркестана», А.Г. Разгонова «По Восточной Бухаре и Памиру», полковника Муханова «Памирский район» и др. В своей совокупности они более детально отражены в официальных документах военно-статистического и политического характера, представленных начальниками отряда и его постов на Памире, ныне хранящиеся в Военно-историческом архиве РФ и в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. В этом плане также особую ценность имеют содержания копий официальных документов по истории Памира (1883-1931 гг.) из Фонда Российского Политического агентства в Бухаре из Государственного архива Узбекистана, которые хранятся в Областном архиве ГБАО.

Согласно их содержаниям на Памире, исходя из реальной обстановки, была создана особая административная структура управления в основе которой лежала «Временная инструкция Памирского отряда», утверждённая командующим войсками Туркестанского военного округа в 1905 г. При этом, учитывая ревнивое отношение Англии к утверждению официальной власти России на Памире после его присоединения и исходя из дипломатических соображений, в составе администрации Западного Памира была введена должность бека, назначаемый эмиром Бухарским по соглашению Российским политическим агентом в Бухаре.

Хотя эти представители бухарского эмира летом 1896 года приступили к управлению своими территориями, теперь бекствами Рушана и Шугнана, но они фактически находились под полным контролем русских властей. Что касается участия других местных представителей в административном управлении Памира, то они избирались и утверждались начальством Памирского отряда. В должности помощников у начальников памирских районов, служили волостные, казии и аксакалы с арбобами (на Восточных постах – амины и иллик-баши). Кроме казиев, получавших с населения то, что им было положено по шариату, другие служили без каких-либо официальных жалований.

Административное управление населением сосредоточивалось в руках Памирского отряда, начальник которого пользовался правами начальника уезда, и находилось в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области. Помощниками начальника отряда по управлению

населением являлись: на Восточном Памире – начальник восточных постов, а на Западном Памире – начальник Ишкашимского и Лянгарского постов. В отношении управления населением эти чины пользовались правами участкового пристава и непосредственно подчинялись начальнику отряда.

Что касается административного управления Восточного Памира, то пределы этого района, названного Памирским участком, при Ошском уезде. который разделился на две волости: Восточно-Памирскую (или просто Памирскую) и Орошорскую. Административное управление волостей Восточного Памира полностью было сосредоточено в руках русского военно-чиновничьего аппарата.

После передачи левобережной части Западного Памира Афганистану, как бы прерывается поступление информации об этой части в Русской историографии. Этот недостаток в известной степени восполняет вышеупомянутое сочинение Кушкеки «Каттаган и Бадахшан».

Проследивая процесс исследования особенностей административного управления Памира после его присоединения к России, следует отметить, что данная проблема в той или иной степени имеет место в трудах советских и современных исследователей Б.И. Искандарова, О. Бокиева, А. В. Постникова, Х. Пирумшоева, К. Эльчибекова, М. Пирумшоева, Т.С. Каландаровой и др. Основываясь на доступных им документальных источниках, материалам, содержащимся в работах русских дореволюционных исследователей, и сочинения местных авторов вносили свою существенную лепту в сопоставительном анализе особенности административного управления Памира в конце XIX- начале XX вв.

В целом, содержания имеющихся источников и широкого круга исследований касательно истории присоединения Памира к России и особенности его административного управления, в своей совокупности приводят к мнению о том, что несмотря на несправедливо искусственное разделение местного населения, все же очевиден факт прогрессивной роли данного акта для правобережной части таджиков Памира, втянутых в водоворот преобразовательных процессов, приведших к возрождению национальной государственности.

Историографическому анализу социально-экономических показателей дореволюционного Памира, посвящается четвёртый раздел данной главы диссертации **«Степень освещения социально-экономического положения Памира второй половины XIX – начала XX вв.»**.

Особый интерес в этом плане составляет определение количество и этнический состав населения Памира. Как известно в силу того, что традиционно не проводились переписи населения, прослеживается противоречивость в подсчётах имеющихся сведений в сочинениях местных авторов, русских исследователей и других документальных источников. Она колеблется от 24 до 48 тыс. (без Дарвазского бекства) по среднестатистическому показателю.

Наличие такого контраста в определении численности населения происходила по причине того, что за 10 лет до Памирского разграничения 1895 г. население владений Западного Памира сократилось более чем вдвое. Причины такого резкого спада, согласно мнению очевидцев следует видеть в вопиющем насилии афганских оккупантов. Согласно наблюдениям русского очевидца Скерского «часть жителей Шугнана бежала в Тагарму, часть взята в плен и уведена во внутренние провинции Афганистана, наконец, масса населения подверглась беспощадной резне»¹. К тому следует добавить и передачи левобережной части Западного Памира Афганистану согласно разграничению 1895 г.

Содержания имеющихся сведений, приводит к мнению о том, что испокон веков в долинах Западного Памира выращивали почти все разновидности сельхозкультур, занимались садоводством и животноводством. Но малоподходящий для возделывания сельхозкультур климат, малоземелье, постоянные междоусобицы с одной стороны, и непосильное налоговое бремя с другой, делали труд крестьянина малопроизводительным. К тому же из-за отсутствия технических средств население не имело возможности оросить все более или менее пригодные для этого земли.

Во второй половине XIX в. на Памире в целом, сохранялись традиционные земельные отношения, присущие феодальному способу производства, но, как и по всей Восточной Бухаре, имели свои особенности, исходя из сохранения патриархальных отношений. Эти особенности, в той или иной степени прослеживаются как в сочинениях местных авторов, так и работах русских исследователей и путешественников, посетивших край. Но отсутствие научного восприятия закономерностей сложения аграрных отношений, присущих феодальному способу производства, не давало им возможность раскрывать суть проблемы. Несмотря на это, они в совокупности другими доступными источниками приводят к мнению о том, что на Памире в XIX в. имелись следующие категории земельной собственности: шахские земли, находившиеся в частной собственности духовных и светских феодалов; наследственно-владельческие или потомственные, находившиеся в пользовании крестьянства; вакуфные земли; общинные земли. Что касается Восточного Памира, то традиционными занятиями кочевых киргизов являлось скотоводство.

После присоединения Западного Памира к России и его временной передачи под юрисдикцию Бухары, появилась новая категория земельной собственности – султанские земли. Они образовались за счёт земли тех людей, которые, не выдержав притеснения афганских властей, покинули их и переселились в другие места.

В показателях социально-экономического положения любого государства и народов особое место занимают ремесленное производство и торговые

---

¹Скерский. Краткий очерк Памира // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. L. – СПб., 1892. – С. 38.

отношения. В этом плане Памир не может быть исключением. Судя, по имеющимся сведениям, качество ремесленных изделий Памирских владений как до присоединения их к России, так и после, оставаясь на уровне хозяйственно-бытовой потребности местного населения, не могло составлять заметную конкуренцию с привозными товарами, в частности русскими промышленными изделиями.

Наблюдая за положением кустарного производства, русские очевидцы заметили, что несмотря на отдалённость от торговых центров горцам доступны лишь немногие и слишком дорогие жизненно важные предметы, поэтому они в этом плане, волей-неволей должны сами обеспечить свои потребности. При этом, они с восхищением указывали на высокохудожественное мастерство ремесленников и изящность их изделий.

Согласно имеющимся сведениям до присоединения Памира к России в этом горном крае товарно-денежные отношения находились на совершенно низком уровне. По наблюдениям Г.А. Арандаренко, в начале 80-х годов XIX в. единственный базар в Каратегине и Дарвазе находился в Гарме, где торговые сделки совершались преимущественно обменом местных продуктов. То же самое наблюдалось и во владениях Западного Памира.

Согласно имеющимся сведениям, торговля существенно оживилась после присоединения Памира к России. Появились и местные купцы. Открытие базаров в Хороге положило начало оживлению торгового дела на Западном Памире. Основными предметами торговли на базаре являлись привозимые из Кашгара и отчасти из Оша русские ситцы, мата, железные подковы, мыло, шёлковые платки и другие мелочи. Торговля велась преимущественно меновая, но в дальнейшем постепенно возрастало количество денежных сделок.

Вопросы, связанные с налогообложением, взиманием податей и поборов хотя в той или иной степени присутствуют фактически во всех доступных сочинениях местных авторов, работах русских и советских исследователей, изучавших историю Памира и Бадахшана. Но, всё же и поныне данная проблема является одной из нерешённых задач в отечественной историографии. Это связано с отсутствием законодательной основы на протяжении всего средневекового периода. Предусмотренное шариатом правило взимания налогов зачастую нарушалось представителями властей исходя из своих интересов.

Авторы местных источников, хотя и приводят некоторые факты взимания налогов, но они не систематизированы и несколько разбросаны. Тем не менее, в них легко наблюдается широкий круг взимаемых налогов и податей, не предусмотренных шариатом. Многие русские исследователи, в силу ограниченности своей профессиональной подготовленности, не углублялись в анализ социальной сущности налогового бремени, присущего феодальному обществу, в целом и проявление его особенностей во владениях Западного Памира, в частности. Но описываемые ими собственные визуальные

наблюдения касательно чрезмерного взимания налогов и выполнения различных повинностей, являются крайне ценными источниками в исследовании данной проблемы.

Самой чёрной страницей в истории налогообложения на Памире до его присоединения к России считалась отдача в рабство из местных людей взамен недостающего количества хераджа или зякета (закот). Хотя в шахствах Западного Памира, сам по себе не существовал институт рабовладения. В шахствах Западного Памира, людей из числа бедных слоёв населения со стороны шахских кругов и иностранных торговцев могли использовать в качестве товара при торговых сделках.

После присоединения Памира к России порядок взимания налогов и поборов не только существенно изменился, но и фактически был отменен. В докладе дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе Шаховского от 21 июля 1902 г. отмечено, что кочевое население Памира с января 1901 г. освобождено от всяких податей. Он вносил предложение о том, что нужно пойти на подобный шаг и в отношении жителей Шугнана и Рушана. На содержание волостных правителей было рекомендовано выделять ежегодно 2 000 р. из земских средств Туркестанского края.

Переход к прямому подчинению России в известной степени избавил население этого горного края от всех невзгод, сначала связанных с хищническими оккупационными действиями афганцев (с 1883 по 1895 г.), а затем и введённым административным режимом бухарских властей (1895-1905). Одним из наиболее заметных результатов этого акта стало освобождение местного населения от обременительных налогов и поборов, которыми оно было обложено в годы правления бухарского режима.

В целом, историографический анализ соответствующих архивных документов, работ дореволюционных авторов, изучавших социально-экономическое положение памирских владений при последнем шахском правлении, в годы афганской оккупации, впоследствии при бухарском, а затем и российском административном управлении, приводят к заключению о том, что, несмотря на их источниковедческую ценность, они не лишены противоречивых показателей. Но это нельзя относить к их недостаткам, ибо в силу обстоятельства в большинство случаев эти сведения получены путём расспросов. Это несколько затрудняет выделение среди множества различных статистических подсчётов наиболее достоверных из них. Особенно это прослеживается в их сведениях, касательно статистического определения численности населения, объёма сбора зерновых, поголовья скота, взимания налогов, податей, выполняемые повинности и т. п. показатели.

В целом, путём сопоставительного анализа соответствующих источников, сведения русских дореволюционных авторов, советским и современным исследователям удалось обрисовать сравнительно целостную картину

политического положения и социально-экономической жизни Памира конца XIX — начала XX вв. Но, все же историографический анализ показал немало проблем, касающихся социально-экономического положения дореволюционного Памира, которые требуют обстоятельного решения.

Заключительный – пятый раздел **«Культура Памира и Бадахшана XIX – начала XX вв. в историко-этнографической литературе»**, посвящён историографическому анализу культурных традиций горных таджиков.

Культура населявших издревле таджиков Памира, за исключением восточной его части, которую в позднем средневековье заселили кочевые киргизские племена, на протяжении всей истории была связана с общекультурным процессом таджикского народа. Как известно, об определяющей роли таджикской культуры в истории народов Средней Азии и за её пределами имеется немало ценных исследований. Но, все же нетрудно заметить серьёзные упущения в историографическом анализе культурной жизни населения Памира и Бадахшана более позднего средневековья и нового времени.

В этом плане уместно отметить, что географическая особенность края, его отдалённость от главных центров региональной цивилизации, хотя несколько препятствовали росту самобытной материальной и духовной культуры, но не могли его изолировать от той самобытной культуры таджикского народа, получившей признание со стороны востоковедов мирового уровня.

Изучение культурной жизни Памира и Бадахшана, охватывающее как более ранний период, так и эпоху визитов западноевропейских и российских военно-дипломатических и научных деятелей, представляло значительные трудности. Эта сложность возникла прежде всего потому, что, за исключением А.А. Семенова, М.С. Андреева и А.А. Бобринского, обладавших глубоким знанием местных культурных традиций, другие наблюдатели зачастую затруднялись дать научно обоснованный анализ культурных показателей. Их рассказы зачастую сводились к этнографическим описаниям хозяйственных и бытовых аспектов существования местного населения. Тем не менее, несмотря на некоторую фрагментарность, эти работы все же дают ценное, хотя и разрозненное представление о сложившихся материальных и духовных культурных традициях жителей Памира и Бадахшана.

Русские исследователи, посетившие этот горный край, особое внимание уделяли своеобразию домашнего хозяйства, главным образом строению жилых помещений местного населения. Согласно мнению большинства из них, несмотря на примитивность строения снаружи, приятный интерес вызывало их внутреннее убранство. Колонны, держащие бревенчатые купола домов, их двери традиционно покрывались резьбой.

Что касается городских строений, то они хотя и соответствовали традиционной планировке мусульманского Востока, но в Восточной Бухаре и

на Памире, исходя из горного рельефа, нередко нарушалась данная общепринятая планировка города.

Что касается показателей духовных культурных традиций населения Памира и Бадахшана, то недостаточное владение местным языком ограничивало возможности исследователей в глубоком изучении этих традиций. В результате они в основном полагались на визуальные наблюдения за культурными мероприятиями, где местные жители демонстрировали своё мастерство в пении и танцах. Несмотря на это многие исследователи указали на их мелодичность, и высокое мастерство певцов и музыкантов.

Следуя реалиям средневекового образовательного процесса, который в основном курировался религиозными структурами, как и в других ханствах среднеазиатского региона в шахствах Западного Памира до присоединения к России и вплоть до начала XX века важнейшую роль в образовании играли духовные лидеры (пиры). Особого внимания заслуживает их весомый вклад в распространение и передачу элементов религиозных знаний на всех уровнях, а также руководство и лидерство местных общин в духовных и образовательных вопросах.

Согласно имеющимся в работах дореволюционных авторов и архивных материалах сведениям, после присоединения Памира к России, наряду с Туркестанским генерал-губернаторством, существенные перемены происходили в образовательном процессе этого горного края. Принятые меры в этом отношении, прежде всего, соответствовали интересам царской России и её администрации на Памире. В 1909 г. при русском отряде в Хоробе была открыта первая и единственная до революции русско-туземная школа. Вначале в ней обучались 8 человек. В отличие от русско-туземных школ, открытых в других городах Средней Азии, первоначально большинство воспитанников Хоробской школы составляли дети бедных таджиков.

В связи с увеличением числа учеников потребовались дополнительные ассигнования на содержание школы. Исходя из этого начальник Памирского отряда полковник Муханов предпринял ряд мер по укреплению школы. По его настоянию, в декабре 1911 г. в Хороб из Ташкента прибыл учитель, имевший специальное педагогическое образование. В 1912 г. Памирский отряд выделил для школы помещение, содержал при школе на полном продовольственном обеспечении 23 ученика. Наиболее нуждающимся выдавали обувь и одежду. Оплату учителю в размере 75 рублей в месяц согласилось взять на себя Министерство народного просвещения России и возместило отряду 500 руб. Туркестанские власти выделили в 1912 г. 100 руб. на приобретение учебных пособий.

В 1916–1917 учебном году численность учащихся увеличилась до 40 человек. При школе был открыт интернат. Разумеется, одна школа на всём Западном Памире не могла решать проблему народного образования. Хотя

данная школа функционировала всего до 1918 г., но всё же она сыграла заметную роль в истории развития просвещения Памира. Её первые ученики Ш. Шотемур, А. Наврузбеков С. Абдуллоев, И. Исмоилов, Х. Кирмоншоев, А. Зиннатшоев, Б. Мирзобеков, Ш. Амдинов, С. Саидмахсумов и др. были в первых рядах начала возрождения таджикской государственности.

Одним из важных показателей культурной жизни того или иного народа, является достижение его художественного творчества. Таджики всегда в этом отношении держали пальму первенства в регионе, а Памир и Бадахшан не были исключением. Местные представители литературы всегда придерживались классических традиций художественного творчества, в частности, поэтического жанра. Но русские очевидцы в большинстве своём не зная языка, не могли по достоинству оценить всю широту и колорит местной поэзии.

Настоящие научные поиски в истории художественной литературы Памира и Бадахшана начались в советский период. В этом плане особая заслуга принадлежит литературоведу А. Абибову (1916–1998). Он по крупицам собрал из разных источников сведения о жизни местных поэтов и их сохранившихся стихов, которые составляли основу его исследовательского наследия. Опираясь на доступные ему источники, в своих работах приводит обстоятельные сведения о жизни и творческой деятельности более ста местных поэтов, оставивших заметный след в истории таджикской классической литературы XV-начала XX вв.

Историографический анализ сведения имеющиеся в работах русских, военно-дипломатических кругов и ученых различного направления науки по долгу службы посетивших Памира, так же советских исследователей в той или иной степени причастных к изучению культурной жизни края приводит к заключению о том, что горные таджики Бадахшана и Западного Памира в XVI – начала XIX вв., в целом сохраняли и развивали культурную преемственность, присущую всем таджикам центрально азиатского пространства.

В заключении диссертации подведены итоги проведённого исследования и сформулированы общие выводы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Статьи рецензируемых в изданиях ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Пирумшоев М. Х.И.Минаев – зачинатель историографического исследования Памира и Бадахшана// Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2010. – № 3 (29). – С.141–149.

2. Пирумшоев М. Х. Ещё раз о Памире и Бадахшане // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 1 (31).–С.155-162
3. Пирумшоев М. Х. Памир в древней историографии // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2015. – № 6-2 (67).–С.243-245
4. Пирумшоев М. Х. Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии// Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2015. – № 6-2 (67).–С.261-265
5. Пирумшоев М. Х. К вопросу о последствиях присоединения Средней Азии к России // Научный журнал «Вестник педагогического университета». – Душанбе, 2019.- №5(82).–С.213-219
6. Пирумшоев М. Х. Традиционная культура Памира конца XIX – начала XX вв. в русской историографии // Научный журнал «Вестник Таджикского национального университета». – Душанбе: Сино, 2019. -№10.–С.5-10
7. Пирумшоев М. Х. А.Е. Снесарев - исследователь Средней Азии // Научный журнал «Вестник педагогического университета». – Душанбе, 2021.- №5(94).–С.190-198
8. Пирумшоев М. Х. Н.А.Северцов – исследователь Средней Азии// Научный журнал «Вестник педагогического университета». – Душанбе, 2021.- №4(93).–С.206-213
9. Пирумшоев М. Х. Н.А.Северцов - исследователь Памира// Научный журнал «Вестник педагогического университета». – Душанбе, 2021.- №3(92).–С.234-245
10. Пирумшоев М. Х. Древний Памир в отечественной и зарубежной историографии// Научный журнал «Вестник педагогического университета». – Душанбе, 2021.- №2(91).–С.215-227
11. Пирумшоев М. Х., Артыков А.А.Первый российский форпост на «Крыше мира»// Историк (научно-теоретический журнал). - №4 (32) 2022.–С.51-58
12. Пирумшоев М. Х. Среднеазиатская научная экспедиция А.П. Федченко 1869 года // Историк (научно-теоретический журнал). - №4 (32) 2022.–С.59-65
13. Пирумшоев М. Х. Историография политической и социально-экономической истории древнего Памира// Историк (научно-теоретический журнал). - №2 (34) 2023. –С.130-137
14. Пирумшоев М. Х. Памир в период владычества монголов в Средней Азии (начала XIII – первой половине XIV вв.) // Историк (научно-теоретический журнал). - №2 (34) 2023.–С.85-92
15. Пирумшоев М. Х., Артыков А.А. Памир и Бадахшан во второй половине XIV- XVI вв.// Историк (научно-теоретический журнал). - №1 (37) 2024.–С.108-116

16. Пирумшоев М. Х. Англо-русское соперничество на Памире в западноевропейской историографии// Учёные записки. Серия гуманитарно-общественных наук. ХГУ им. Бабаджана Гафурова – 2024. - №2(79).–С.23-30

17. Пирумшоев М. Х., Артыков А.А. Изучение русскими исследователями природных богатств Средней Азии по материалам «Туркестанские ведомости» // Историк (научно-теоретический журнал). - №1 (41) 2025.–С.

Книги и публикации в других изданиях:

18. Пирумшоев М. Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.

19. Пирумшоев М. Х. Историография истории древнего, средневекового Памира и Бадахшана.– Душанбе: РТСУ, 2025. – 258 с.

20. Пирумшоев М. Х. К истории географического и этимологического изучения Памира //Фарханг. – Душанбе, 2010. – № 5-6.–С.14-19

21. Пирумшоев М. Х. Вклад академика В.В. Бартольда в изучении истории Памира и Бадахшана // Сб., посв. 140-летию академика В.В. Бартольда. – Душанбе, 2010.–С.192-208

22. Пирумшоев М. Х. Историография англо-русского соглашения о Памирском разграничении 1895 г.// и современность: Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 115-летию подписания договора между Россией и Англией (26 ноября Душанбе, 2010 г.). – Душанбе, 2011.–С.186-190.

23. Пирумшоев М. Х. Историография присоединения Памира к России // Полтора века общего пути: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе, 2014.–С. 3-16.

24. Пирумшоев М. Х. А.А. Семенов об этнографии таджиков Каратегина и Дарваза // Вклад академика А.А. Семенова в изучении истории и культуры таджикского народа: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе, 2014.–С.142-150.

25. Пирумшоев М. Х. Победа Октябрьской революции и установление Советской власти на Памире // Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции посвященной 100-летию Октябрьской революции (Душанбе октябрь 2017 г.) «Влияние Октябрьской революции на судьбу таджикского народа» Душанбе 2018 г.–С.68-72.

26. Пирумшоев М. Х. Вклад Б. Громбчевского в изучении Памира //Сборник материалов международной научно-практической конференции (ноябрь 2017г) «Вклад русской интеллигенции в развитие науки и культуры Таджикистана» Душанбе, 2018.–С.292-300

27. Пирумшоев М. Х. Горно-Бадахшанская автономная область в 30-е годы XX века// Образование Таджикской ССР. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Душанбе: РТСУ. 2020 г.–С.149-156.

28. Пирумшоев М. Х. Предыстория взаимоотношений таджиков и русских в X-XV вв.// Государственная независимость и возрождение культурно-исторического и педагогического наследия таджикского народа. Сборник статей международной научно-практической конференции (г. Душанбе, 27 ноября 2020 г.).–С.171-181.

29. Пирумшоев М. Х. Народное образование ГБАО в годы независимости (1991-2011гг.)// Государственная независимость и возрождение культурно-исторического и педагогического наследия таджикского народа. Сборник статей международной научно-практической конференции (г. Душанбе, 27 ноября 2020 г.).–С.208–211.

30. Пирумшоев М. Х. Историография раннесредневекового Памира// Национальное единство: история и достижения: сб. материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 25-летию подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане (Душанбе, 17 июня 2022 г.); Рос.-Тадж. (Славян.) ун-т./отв. ред. З.Ю. Рахматова, сост. А.А. Артыков. – Душанбе., 2022.–С.233-241.

31. Пирумшоев М. Х. Памирская звезда русского генерала М.Е. Ионова// Россия-Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений. Сб.материалов международной научно-теоретической конференции. (Душанбе, 30 ноября 2022 г.). - Душанбе: РТСУ, 2022.–С.241-253.

32. Пирумшоев М. Х. Султан Мухаммад-шах Ага-хан III: история отношений с Россией // Россия-Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений. Сб.материалов международной научно-теоретической конференции. (Душанбе, 30 ноября 2022 г.). - Душанбе: РТСУ, 2022.–С.253-262.